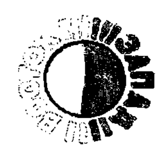
Такеши Китано

Давай, Такеши

«ОЛМА Медиа Групп»
представляет книжную серию
современной японской прозы
«ВОСТОК – ЗАПАД»

ТАКЕШИ КИТАНО

«Мальчик»
«Кикудзиро и Саки»
«Парень из Асакусы»
«Давай, Такеши!»

АМИ САКУРАИ

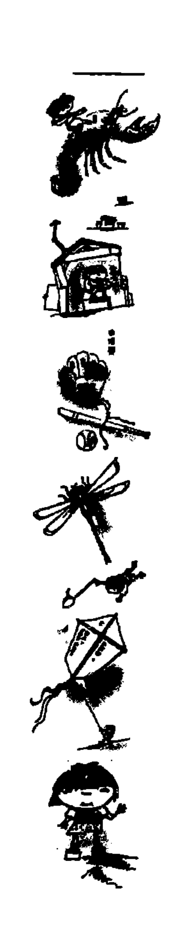
«Невинный мир»

КЕНЗО КИТАКАТА

«Клетка»

Такеши Китано

Давай, Такеши

Москва
2009

УДК 82-31
ББК 84.5 (Япо.)
К45

Китано Т.

К45 Давай, Такеши!/ Перев. с японск. О. Накорчевской. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 160 с.

ISBN 978-5-373-02650-5

Япония 50-х годов глазами простодушного и гениального ребенка, каким был и навсегда остался Такеши Китано. Мрачная нищета родного дома и яркие краски детства, изнурительная работа вместе с отцом-маляром и необыкновенные игрушки и развлечения, которых никогда не было у русских детей, – перед вами мир контрастов, сформировавший личность знаменитого актера и режиссера.

УДК 82-31
ББК 84.5 (Япо)

ISBN 978-5-373-02650-5

ВЕЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА

Невозможно представить себе Квентина Тарантино автором сонетов или романтических новелл о первом поцелуе. Трудно вообразить Андрея Тарковского, сочиняющего в паузе между съемками «Сталкера» и «Ностальгии» порнографические повести или страшилки об упырях. Каждому свое. Кинорежиссер, если он еще и литератор, должен в своей писательской ипостаси быть равен самому себе, оправдывать ожидания зрителей. Читать-то его будут именно его зрители. Как правило, режиссеры ожидания оправдывают. Педро Альмодовар живописал сексуально-наркотические похождения гулящей Патти Дифузы, королевы ночных клубов, родной сестры героинь «Кики» или «Скромного обаяния порока». А Ингмар Бергман на бумаге, как и на экране, выяснял отношения с семьей и религией.

Главный японский режиссер конца XX века Такеши Китано – исключение из правил, он зрительских ожиданий не оправдывает. Его литературные опыты шокируют тем, что ничем не шокируют.

Что такое Китано для зрителя? Застывшее в гримасе глумливой угрозы лицо-маска: в 1994 году ведущий телекомик Японии, стремительно обретавший статус звезды режиссер попал в страшную аварию, лицевые мускулы остались парализованными. «Жестокий полицейский» из его режиссерского дебюта (1989), даже не оборачивающийся, когда выпущенная им пуля сносит случайного прохожего. Еще один полицейский из «Фейерверка» (1997), в разгар беседы с нехорошим человеком стремительно втыкающий ему в глаза палочки для еды. Школьный учитель из «Королевской битвы» Киндзи Фукусаку (2000), дирижирующий на необитаемом острове бойней, в которой погибнут все, кроме одного, ученики, доставшие его своим непослушанием. Непредсказуемый психопат-гангстер из «Точки кипения» (1990), отрубающий палец своему адъютанту за то, что тот, по его же приказу, переспал с девушкой босса.

Одним словом, Такеши Китано в своей кинематографической ипостаси – си-

ним экранной жестокости, режиссер, для которого даже фильмы Тарантино или Джона Ву – имитации, где льется кетчуп, а не кровь. И когда Китано шутит, как в «Такешиз» (2005), играет в «японского Феллини», снимающего фильм о невозможности снять фильм, его шутки все равно пахнут кровью.

О чем может писать такой режиссер? Конечно же о гангстерах и проститутках, отрезанных пальцах и разборках на пустырях. В лучшем случае его новеллы могут быть глумливыми, «черными» юморесками а-ля прославившие его телескетчи. Например, скетч, в котором парализованный отец проститутки докучливой болтовней обрекал клиента девушки на позорную неудачу.

Забудьте всё, что вы знаете о Китано. Один из самых брутальных режиссеров современного кино пишет о чем угодно, но только не о жестокости.

О мечтательных мальчиках с их проблемами и страхами, такими мелкими, по сравнению с тем, что ожидает их во взрослой жизни.

О братьях Маmору и Синити, покупающих у старой ведьмы волшебные шоколадные батончики, которые, если съесть их перед стартом, помогут выиграть школьное соревнование по бегу.

Об овдовевшей, но молодой и очаровательной маме, которая ведет других братьев, Хидэо и Тосио, знакомиться со своим новым избранником, и тот оказывается очень симпатичным дяденькой, но братья томятся на церемонном ужине с ним. Ждут не дождутся, когда останутся одни, без присмотра, и раздобудут телескоп диаметром десять сантиметров, и наконец увидят, забравшись на гору, не только Сириус, но и его спутник.

О «ботанике» Итиро, зачитывающемся книгами по истории и отправившемся в первое самостоятельное путешествие из Токио в Киото, чтобы осмотреть древние храмы и сад камней в Реандзи, храме покоящегося дракона. Он надеялся на романтическое знакомство, поскольку с путешественниками должны происходить неожиданные приключения, и боялся его, и втюрился в отпетую хулиганку Дзун, оказавшуюся таким же ребенком, как и он сам.

Хорошая, традиционная, но не старомодная проза. Добрая, но без сюсюканья. Суровая, но не циничная. Полная печали о безвозвратно уходящем времени жизни, о детстве, которое, несмотря ни на что, было самым счастливым, что вообще может быть в жизни человека.

Впрочем, если присмотреться, не так уж эта проза далека от фильмов Китано. То там, то здесь разбросаны детали, непроизвольно ассоциирующиеся с ними. Вот учитель Кондо, «задавака с жестким ежиком волос», раздающий воспитанникам затрещины, именуемые «ударами молнии», от которых глаза чуть не вылезают из орбит: дай ему волю, он развернется почище, чем кровожадный учитель из «Королевской битвы». Велосипед, на котором, с трудом удерживая два телескопа, взбираются на заветную гору Хидэо и Тосио, напоминает о велосипеде, на котором колесят по кругу закадычные друзья-однокашники Синдзи и Масару из фильма «Ребята возвращаются» (1996). У одного не задалась карьера боксера, у другого – карьера якудза, и оба они предпочли навсегда остаться в детстве.

А если вспомнить мотоцикл, на котором Дзун гоняет по Киото, разве упоение его мощью не сродни тому упоению, которое едва не угробило пьяного Китано в 1994 году? Кстати, мать режиссера, дождавшись в больнице, когда он придет в себя, отреагировала именно так, как могла бы отреагировать мать любого из его героев-подростков на дурацкую мальчишескую шалость: «Хо-

чешь умереть – не будь таким идиотом, чтобы разбиться на мотоцикле! Разбейся на "Порше", как Джеймс Дин».

То есть достаточно чуть-чуть «сдвинуть» невинную на первый взгляд прозу Китано, чтобы в ней зазвенели тревожные, если не зловещие, ноты. «Смерть может наступить в любой момент, совершенно неожиданно; вот в этом и состоит настоящая жестокость», – говорил Китано. Смерть всегда рядом с его героями, даже если они совсем еще дети.

Впрочем, справедливо и прямо противоположное утверждение. Если поскрести внешнюю оболочку героев фильмов Китано, окажется, что истовая брутальность якудза скрывает простую и стыдную истину: они так и не повзрослели.

Фильм, после которого о Китано заговорили в Европе как о «лице нового японского кино», – «Сонатина» (1993). Критики обращали внимание прежде всего на его метафизическое измерение. Группа головорезов отправлена «крестным отцом» как бы в отпуск на Окинаву, а на самом деле обречена им на смерть. Они вроде бы еще живы, но – в некоем абсолютном измерении – уже мертвы. Пляж, на котором они коротают время, – это чистилище, где маются их души в ожидании окончательного

приговора. Но именно эта ситуация ни жизни, ни смерти позволила им вновь стать теми, кем они, собственно говоря, никогда и не переставали быть – мальчишками.

Чем занимаются мальчишки, когда им не надо выполнять домашние задания, то есть, коли речь идет о гангстерах, не надо никого похищать и убивать? Конечно же играют. Их игры в «Сонатине» становятся все более и более ребяческими и невинными. Муракава, «старший по званию» в банде, сыгранный самим Китано, в начале фильма занимается «рыбалкой», на спор погружая в воду связанного должника: ему интересно, сколько тот продержится. Потом играет сам с собой в «русскую рулетку» – впрочем, тут дело не обходится без мальчишеского жульничества. Заразившись его ребячеством, отморозки начинают вырезать бумажные фигурки и сталкивать их, играют в пейнтбол и палят по тарелочкам фризби, выкапывают в песке друг другу волчьи ямы, впрочем неглубокие, неопасные, кривляются под борцов сумо и имитируют танцы гейш с кастаньетами. Адъютант Муракавы озабочен: «Не слишком ли это по-детски?» Муракава пожимает плечами: «А что я могу поделать?»

В этот момент устами Муракавы говорит сам Китано. «Меня не перестают спрашивать, когда я вырасту и наконец-то перестану быть ребенком. Ответа я не знаю», – признавался он в интервью, причем признавался, говоря об одном из самых своих трагических фильмов «Куклы» (2002).

Возможно, эта инфантильность заложена в самой японской культуре. Ведь иерархичность, на которой основаны и банды якудза, и могущественные корпорации, есть не что иное, как строительство социальных отношений по образцу отношений отца и детей, учителя и учеников. Если покопаться в классике японского кино, не у одного из героев обнаружится эта вылезающая наружу в самые неподходящие моменты детскость. Вспомним хотя бы разбойника Тадземару из гениального «Расемона» (1950) Акира Куросавы. Да, он – хищник, убийца, насильник, но прежде всего – злой мальчишка.

Откровеннее всего детскую сущность своего творчества Китано выразил в «Кикуджиро» (1999). Сыгранный им заглавный персонаж – наглый бездельник-отморозок, подкаблучник, мелкий якудза, расписанный грозными татуировками, но не лишившийся

за все время своей преступной карьеры ни одного пальца, что свидетельствует о не слишком серьезном характере его криминальной практики. От нечего делать он становится спутником одинокого восьмилетнего Масао, пересекающего Японию с целью найти давно позабывшую о нем мать. И этот бычара оказывается еще большим пацаном, чем его подопечный. Впрочем, кто кого на самом деле опекает, еще вопрос.

Судя по поведению Кикуджиро, ему даже не восемь лет, он только-только созрел для детского сада. Показывает «козу» подросткам. Отбирает деньги у хулиганов, обчистивших Масао, и на голубом глазу сует их себе в карман. Угоняет машину, с которой, похоже, не умеет управляться. Делает ставки на велосипедных гонках и, следуя какому-то детскому суеверию, разгоняет обступивших его людей, чтоб не сглазили. Отбирает у байкера игрушечного ангела. Придумывает для Масаи самые немыслимые игры, включая нечто сюрреалистическое под названием «Раз-два-три, голый мужик замри», заставляя приблудных мотоциклистов изображать то карася, то арбуз, то осьминога, то инопланетянина, то Тарзана.

Кажется, Кикуджиро многие годы маялся своей бандитской судьбой лишь для того, чтобы встретить Масаи и, используя его как алиби, подурачиться всласть.

Кстати, Кикуджиро звали отца Такеши Китано, судя по всему весьма мрачного типа: игрока, алкаша, избивавшего жену, и чуть ли не якудза.

Похоже, сыграв экранного Кикуджиро, Китано создал на экране того отца, которого у него никогда не было и о котором он всегда мечтал: не образцового родителя, а пьяницу, бабника, хулигана, но лучшего товарища в детских играх.

Следовательно, восьмилетний Масаи – это и есть сам Такеши Китано.

Вернее, его душа, его потаенная сущность.

Впрочем, если бы Китано навсегда не оставался Масаи, он никогда бы не смог написать ни книгу «Мальчик», ни другие свои прозаические произведения.

*Михаил Трофименков**

---

* Статья известного петербургского критика М. Трофименкова написана как предисловие к первой изданной на русском языке книге Т. Китано «Мальчик».

Я ПОМОГАЮ ОТЦУ

Когда я был маленьким, мой отец работал маляром и красильщиком по дереву, и меня всегда заставляли ему помогать.

Сейчас его профессия называлась бы декоратор или как-то посолиднее. А раньше это была не самая завидная работа, потому что во всех книгах, когда речь заходила о роде деятельности какого-нибудь отрицательного персонажа или о прикрытии, под которым действовал преступник, то всегда писали, что он – маляр. Именно поэтому у моего отца часто возникали проблемы – все смеялись над этой профессией и презирали ее.

Мне тоже приходилось несладко, ведь я был сыном красильщика, и

сколько я себя помню, меня это всегда раздражало. Когда ты еще совсем маленький – ладно, а вот как повзрослеешь и девушками начнешь интересоваться, так сразу гордость появляется и спокойно реагировать на издевки приятелей удается с трудом. В этом возрасте вообще запросто выходишь из себя оттого, что тебя в шутку дураком обозвали. Тем более что я был парень не из застенчивых и не боялся дать отпор задире. Особенно досадно было, что родился я, когда отцу уже перевалило за пятьдесят, а он все еще занимался этой работой. Обидно, слов нет.

Во время работы нам приходилось надевать на себя всякие старые вещи, собранные по соседям. Это сейчас есть специальные костюмы или комбинезоны, как у авторемонтников, а тогда мы просто ходили во всяком старье, чтобы лишний раз не пачкать свою одежду.

Представьте себе такую картину – отец, разодевшись в какое-то тряпье, ведет за руль велосипед, на багажнике которого стоят банки с краской, а следом идем мы с братом. И вот мы втроем тащимся через весь город... Печальное зрелище. Я тогда не однажды всерьез размышлял о том, чтобы

сбежать куда-нибудь... или вот бы война началась, к примеру...

Разумеется, пока идешь на работу, думаешь только о том, как бы не встретить кого-нибудь из знакомых, и как назло, именно тогда с ними и сталкиваешься. Особенно везло на встречи с парнями, которых я недолюбливал. Они тут же страшно оживлялись и начинали говорить, в какое грязное старье ты одет, делая при том такой вид, будто сами — небожители. Еще хуже, если они увязывались за нами и сопровождали сзади всю дорогу. Это меня страшно злило, я им что — клоун, или тут может бесплатное представление?

Ладно еще, если это кто-то из школьных приятелей — ему можно сказать: пошел, мол, отсюда подобру-поздорову. Но бывают ситуации и похуже. Вот, например, когда приходится красить не только новые, но и старые дома. Такие элегантные, добротные, с белыми стенами, построенные в европейском стиле. В такие дома нас тоже звали работать, и в большинстве случаев там жил какой-нибудь ребенок одного со мной возраста, причем зачастую это была девочка.

Вот стоим мы с отцом, красим стену или забор, и тут она выходит и на-

чинает разглядывать меня так надменно, свысока, как насекомое какое-то.

Частенько получалось так, что отец красил основной фасад, а мне доставались стены со стороны детской комнаты. Пока работаешь, так или иначе, но случайно заглянешь в окошко, а там сидит девочка, по виду которой с уверенностью можно сказать, что она умеет играть на пианино и прилежно делает уроки. И стоит с такой недотрогой встретиться взглядом, как она сразу подойдет к окну и резко задернет занавеску, будто я специально за ней подглядываю и немало этим оскорбляю. В таких случаях от злости и унижения хотелось просто дом поджечь.

Так это все было мучительно – и стыдно, и обидно. И не забывается до сих пор. Зимой, в холод, нарядившись во всякое рванье, тащить вместе с отцом и братом велосипед с красками... Незавидная участь.

КАК МЫ С БРАТОМ УЧИЛИСЬ

Наша мама была потрясающей женщиной! Она умудрялась проявлять необыкновенную изобретательность, придумывая всякие способы, чтобы дать моему старшему брату возможность выучиться.

Мы все жили в одной тесной комнате, посреди которой с потолка свисала голая лампочка без абажура, и брату приходилось делать уроки, используя ящик из-под мандаринов в качестве письменного стола.

Мама не могла на него нарадоваться. То есть нарадоваться на то, что он так прилежно занимался и старался выбиться в люди. Проблемы начинались, когда домой возвращался подвыпивший отец, который сразу принимался орать и сердиться.

– Болван, я же не могу спать при свете. Хватит уже читать всякую ерунду!

Тогда мама придумала выход. Знаете, раньше на велосипеды цепляли такие квадратные фонари для освещения дороги, которые работали от двух здоровых батареек. Так вот, она брала этот фонарь, делала пару рисовых колобков с солью и уводила брата на улицу. Не совсем на окраину города, но туда, где поменьше людей.

Сначала я никак не мог взять в толк, зачем она брата туда по ночам таскает, поэтому как-то раз я прокрался за ними следом. Я увидел, что брат сидит под уличным фонарем, читает книжку и иногда откусывает от рисового колобка. За его спиной стоит мама и подсвечивает страницы при помощи того самого велосипедного фонарика. Я был совершенно ошеломлен таким зрелищем. Ну и семейка же у меня!

Тогда, увидев эту трогательную сцену, я подумал, что, наверное, мне тоже надо старательно учиться и много читать. Притащил домой какой-то комикс и уселся за импровизированный «стол», прямо как брат, а мама рассердилась и как отвесит мне подзатыльник!

Еще я ни разу не катался на поезде, за исключением тех случаев, когда мы всем классом ездили на экскурсии или в походы. Однажды, когда я учился уже в шестом классе, мама предложила мне куда-то съездить вместе с ней. Я долго дожидался этой поездки, думал, куда же мы отправимся, воображал себе разного рода приключения, а потом оказалось, что мы просто направились на станцию метро и поехали в район Канда[1].

Все равно возможность просто прокатиться на поезде привела меня в неописуемый восторг. Однако оказалось, что нас ожидает вовсе не развлечение. Истинной целью нашего путешествия стал магазин при издательстве. В те времена были очень популярны учебники для подготовки к экзаменам из серии «Учение с увлечением», с эмблемой издательства, на которой изображался всадник на лошади. Так вот мама потащила меня покупать целую гору подобных книг. Всего в серии было пять пособий, и она приобрела их все. Я-то думал, что мы отправляется в

[1] Один из центральных районов Токио.

увлекательное путешествие, а оно вон как вышло.

Все равно я обрадовался, ведь она купила книги именно мне, а не брату. Но когда мы приехали домой, до меня дошло, что это же были сборники задач и скучные учебники.

Мама сразу начала говорить: «Ну а теперь давай учись». Поначалу я даже занимался по ним, ведь это было в новинку, а она очень этому радовалась. Вот только на третий день мне все это страшно надоело, и я забросил книги. Тогда-то и разразилась буря – на меня градом посыпались мамины тычки и подзатыльники. В качестве наказания за непослушание она могла запросто запихнуть меня в кладовку, так что доброй и нежной мамой назвать ее было нельзя. В гневе она скорее походила на разъяренную фурию, чем на земную женщину.

Да, вот такая у меня была потрясающая мама. И папа тоже личность выдающаяся – маляр и пьяница. Так что мне приходилось жить в совершенно нездоровой обстановке, в окружении людей, которых даже язык не повернется назвать нормальными. Кстати, моя бабуля тоже не выбивалась из общей картины – они зараба-

тывала на жизнь тем, что набирала себе учеников и в крохотной комнатушке обучала их текстам и музыке театра гидаю[1]. Тяжко мне приходилось в те времена.

[1] Гидаю – вид японского сценического искусства. Текст и музыка являются сопровождением действий актеров на сцене и исполняются одним человеком, который играет на трехструнном сямисэне (национальный музыкальный инструмент) и наполовину проговаривает, наполовину пропевает и сам сюжет пьесы, и реплики актеров.

МЕДОСМОТР И ДЕВЧАЧЬЯ КРУЖКА

У нас в школе на медосмотре всегда находилось много ребят, стыдившихся снять штаны, потому что вместо нижнего белья они носили нечто вроде шортов старшей сестры или подрезанных маминых панталон. О плавках мы тогда только мечтать могли, а носить приходилось белые квадратные «семейные» трусы, похожие на солдатские и всегда слишком большие.

Во время осмотра надо было раздеться до трусов и стоять в очереди с медицинской карточкой. При этом обязательно попадался такой мальчик, который и рубашку снять стеснялся. Под ней, к примеру, могли обнаружиться слишком длинные штаны брата, застегнутые на груди и тесемочкой завязанные подмыш-

ками, чтобы не спадали. Из-за них-то бедняга и не снимал одежду. И тогда все начинали приставать с вопросами:

– А чего это ты не раздеваешься?

А он огрызался:

– Что хочу – то и делаю.

Дулся и упрямо смотрел в пол. Ведь действительно он не мог раздеться – это ж так постыдно и нелепо будет выглядеть! Я таким ребятам сочувствовал: тяжело, наверное, ходить в нижнем белье сестры, а то и вовсе без него.

Учителя были довольно жестоки к нам и строго спрашивали с бедных учеников:

– А почему это ты не в форме? Как тебе не стыдно нарушать школьные правила!

И только потом, уже после того как отчитали, соображали, что на нем не то что формы, трусов-то нет приличных. После таких случаев все надолго замолкали от возникшей тягост-ной и неприятной атмосферы, смеси стыда, смущения и сочувствия.

Во время обеда[1] тоже частенько появлялись проблемы. Мы всегда носи-

[1] В Японии есть разные виды школьных обедов. В некоторых школах нужно приносить еду с собой, в других есть специальная столовая, в третьих же пища готовится в школе штатными

ли с собой мешочек, в котором лежали кружка из жести бледно-желтого цвета и пара мисок. Так вот мой брат, который тогда уже работал в лаборатории при университете, подарил мне красную бакелитовую кружку (это до пластика был такой материал). Мне страшно не нравилось, что она так выделяется из общей массы своим ярким цветом. Да и цвет-то девчачий. Ох и стыдно ж мне было, но как можно отказаться от подарка старшего брата? Я даже стеснялся во время обеда достать эту кружку и поставить ее на стол. Учитель тоже ел вместе с нами и обязательно спрашивал, не забыл ли я кружку. А приятели мои тут же заявляли, что, мол, нет, она у него точно с собой, и начинали смеяться, ведь они-то знали про мою красную кружку. Надо мной потешалась даже девочка, которая мне очень нравилась. Впрочем, в любом случае выбора у меня не было, я вытаскивал ненавистную кружку, и все сразу принимались издеваться и отпускать шутки по поводу того, что она девчачья. Эти на-

---

кухарками, разносится по классам в больших контейнерах и распределяется по порциям самими учащимися. В данном случае, скорее всего, имеется в виду третий вариант.

смешки больно ранили меня, но я сидел, стиснув зубы.

Тогда учитель начинал меня защищать, мол, что за глупости они говорят.

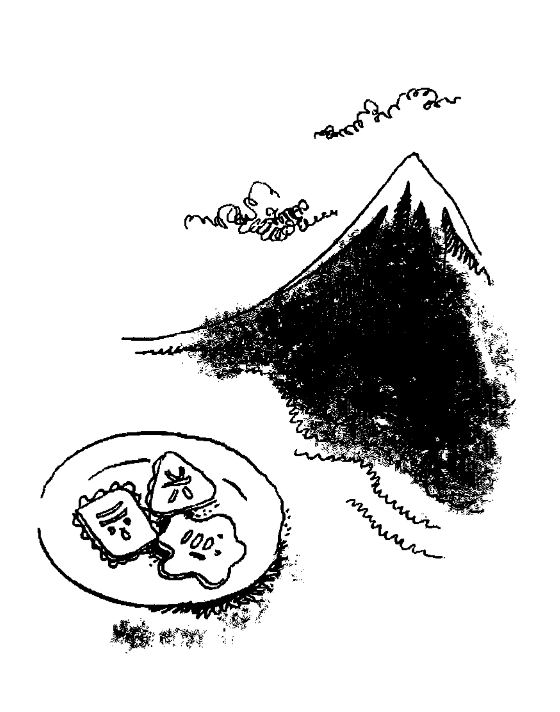
– Китано принес то, что ему велели взять с собой родители! Почему вы над этим смеетесь?

Тут я уже не мог сдержать слезы досады, из-за этой непрошенной защиты со стороны преподавателя становилось только обиднее и горше. Вот я и начинал плакать.

Тогда, видимо, чтобы утешить меня, учитель предлагал мне дополнительную порцию гарнира и заставлял выпить второй стакан растворимого обезжиренного молока, которое я терпеть не мог. Как можно пить эту гадость, когда после нее все зубы будто пленкой покрываются! Из-за этой двойной порции молока мне всегда становилось дурно и потом еще долго тошнило.

Сколько я всего пережил из-за этой девчачьей кружки, все время из-за нее попадал в дурацкое положение.

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА НА МОРЕ И ВСТРЕЧА С БОГОМ

Сдается мне, что впервые я поехал на море, кажется, куда-то на остров Эносима[1]. Наверное, это случилось, когда я учился в первом классе, и меня туда отвез отец со своими товарищами по работе. Там я и увидел море.

Оно было потрясающе красивым! Даже ребенку абсолютно ясно, что море – это нечто невероятное... брызги, высокие волны, урчание прибоя, холодная вода – все это грандиозно и немного страшно. Но несмотря на легкое, щекочущее ощущение ужаса и на то, что я толком не умел плавать, стоило мне зайти в воду, как я начинал

[1] Эносима – любимое место летнего времяпрепровождения жителей столицы рядом с городом Камакура, в 55 км от Токио.

вытворять довольно опасные вещи — нырял, дурачился и бултыхался на волнах изо всей щенячьей дури.

Я даже помню, как люди говорили: «Молодец мальчишка, неужели ему совсем не страшно?»

Я плавал и нырял столь рискованно, что даже мой отец начинал беспокоиться, мне же тогда было все равно, ведь все дети устроены так, что стоит им только зайти в воду — они будут сидеть там до посинения. И я не составлял исключения.

Другое важное событие в моей жизни произошло, как мне кажется, когда мы ехали с моря обратно в город. Именно тогда я первый раз в жизни увидел иностранца. В те годы при встрече с иностранцами, нам сразу же вспоминалось время, когда Япония была оккупирована союзными войсками. Наверное, это был угнездившийся в умах моих сограждан стереотип: раз иностранец — значит, оккупант.

Ну так вот. Значит, это случилось после того, как мы побывали на море и как раз возвращались домой, в Токио, на поезде. И тут в нашем вагоне обнаружился иностранец.

Мы с отцом ехали стоя, и тогда этот иностранец уступил нам место. И сра-

зу же после этого отец почему-то стал вовсю кланяться и извиняться. Глядя, как он расстилается перед ним, мне начало казаться, что иностранец этот – некое божество. То есть что он и есть бог, потому что он – иностранец. И меня вовсе не удивило, что отец так пресмыкался перед ним, ведь это великий, выдающийся человек.

Но все-таки это событие оставило в моей душе непонятный осадок.

А еще, представляете, этот иностранец подарил мне печенье. Целую коробку. Так вот, печенье оказалось невероятно вкусным, и, поедая его спустя какое-то время, я вновь утвердился в мысли о божественном происхождении этого человека. Воистину – «гив ми гам»[1]. Да, в те времена так дела и обстояли.

До этого случая мне не доводилось пробовать печенье. То есть я, конечно, подозревал о существовании такого лакомства, и мой старший брат даже пару раз приносил его откуда-то... В общем, видеть-то я его видел, а

[1] Искаж. англ. «give me gum» – «дай мне жвачку». Фраза, с помощью которой японские детишки выпрашивали у американцев-оккупантов сладости.

есть – не приходилось, тем более быть счастливым обладателем целой коробки.

Тот иностранец не носил военную форму, и было видно, что он в корне отличался от японцев. Причем всем! Я даже не знаю, как бы это поточнее выразить... А еще, кажется, он заговорил с нами не по-английски, а по-японски, и это еще больше повергло меня в трепет.

«Ну ничего себе! – подумал я тогда. – Как и когда он умудрился выучить язык?!»

Похоже, именно то, что он заговорил не по-английски, а по-японски, потрясло меня сильнее всего.

И я действительно считал его божеством. Выдающимся, неординарным человеком. Подтверждением являлось то, что мой отец так перед ним извинялся и кланялся. Правда, когда я сейчас вспоминаю этот случай, сдается мне, это было просто выражение благодарности, но для меня это выглядело так, будто отец просил прощения.

Вот такое впечатление тогда производили на детей иностранцы. Нам казалось, что они – совершенно необыкновенные существа. А отец мой толь-

ко и мог, что извиняться и кланяться таким, как тот иностранец, поэтому в моих глазах у родителя не было никакого авторитета.

И, в то же время меня вовсе не удивило, что папаша мой повел себя именно так. Обычно-то мы стыдимся подобного поведения родителей, а вот мне тогда не было стыдно. Ни капельки. Мне казалось, что так оно и должно быть, ведь он просил прощения у божества.

ИГРУШЕЧНАЯ РАКЕТА С ПАРАШЮТОМ

Раньше компания Гурико, занимавшаяся изготовлением сладостей, проводила акцию – отправь три пустые коробочки из-под шоколадных конфет с миндалем и выиграй ракету.

Ее нужно было запускать при помощи рогатки, она резко взлетала, а потом раскрывался парашют, и ракета медленно планировала вниз. Игрушка была сделана из самой обычной раскрашенной бумаги, но зато выглядела как макет настоящего космического корабля.

И мне страшно хотелось иметь такую ракету. Пять или шесть соседских ребят и я – мы все отправили коробочки, но только я, в отличие от всех остальных, не выиграл. Каждый день, даже в школе, сидя на занятиях, я вол-

новался так, что не мог спокойно усидеть на месте – а вдруг, пока меня нет дома, ее уже привезли, и она лежит и дожидается меня?

И вот как только заканчивались уроки в школе, я пулей летел домой и сразу же заглядывал в почтовый ящик, и каждый раз очень расстраивался, не обнаружив там ракеты. Так длилось целых три месяца, а мою ракету мне почему-то все не присылали и не присылали.

Мои приятели получили свои подарки где-то уже через месяц, а я все упорно ждал, свято веря в то, что завтра я обнаружу его в собственном ящике. Тем временем выигравшие счастливчики одну за другой запускали свои ракеты прямо у меня на глазах. Так досадно было... Тогда я от нечего делать бегал за ракетами, взмывающими вверх из их рук, или смотрел, как они летят, а потом бежал, подбирал их и долго крутил в руках, рассматривая детали.

У меня была постоянная компания для игр – двое моих хороших приятелей, и мы почти все время проводили вместе, втроем. И вот сначала одному из нас пришла первая ракета. Мне и другому мальчишке оставалось только смотреть, как тот из нас, кому уда-

ча улыбнулась первой, забавляется новой игрушкой. Мы часто просили: «А дай-ка и нам попробовать запустить ее», и он иногда великодушно ссужал нам вожделенную ракету на какое-то время.

Только вот дети устроены таким образом, что любую игрушку через неделю они либо ломают, либо она им сама надоедает. И приятель мой скоро сказал что-то вроде:

– А, это уже никуда не годится. Сломанная игрушка мне не нужна, так что с ней делать – выбросить, что ли?

А я специально начал подначивать его, ведь это было в моих интересах:

– Конечно, выкидывай!

Мне ужасно хотелось заполучить такую ракету, но не мог же я просто забрать ее, пусть она и поломанная. Вот и проходилось идти на всяческие хитрости и подбивать счастливого обладателя, чтобы он ее выбросил. Ведь если вещь выбросили и она валяется на земле – так она как бы уже ничья, правильно?

Особое внимание я уделил и месту выкидывания. Важно было, чтоб ракета оказалась не в грязной сточной канаве или на какой-нибудь помойке, а там, где ее можно будет легко найти и

спокойно подобрать. Например, на лужайке.

А потом я запомнил, где она лежит, и вечером, после того как все разошлись, возвратился за ней. И случилось так, что я обнаружил того, второго моего приятеля, рыщущего в траве в поисках той же самой «ничейной» испорченной игрушки. Мы долго и пристально смотрели друг на друга, и никто не решался подобрать ракету первым. Да, это было поистине жалкое зрелище...

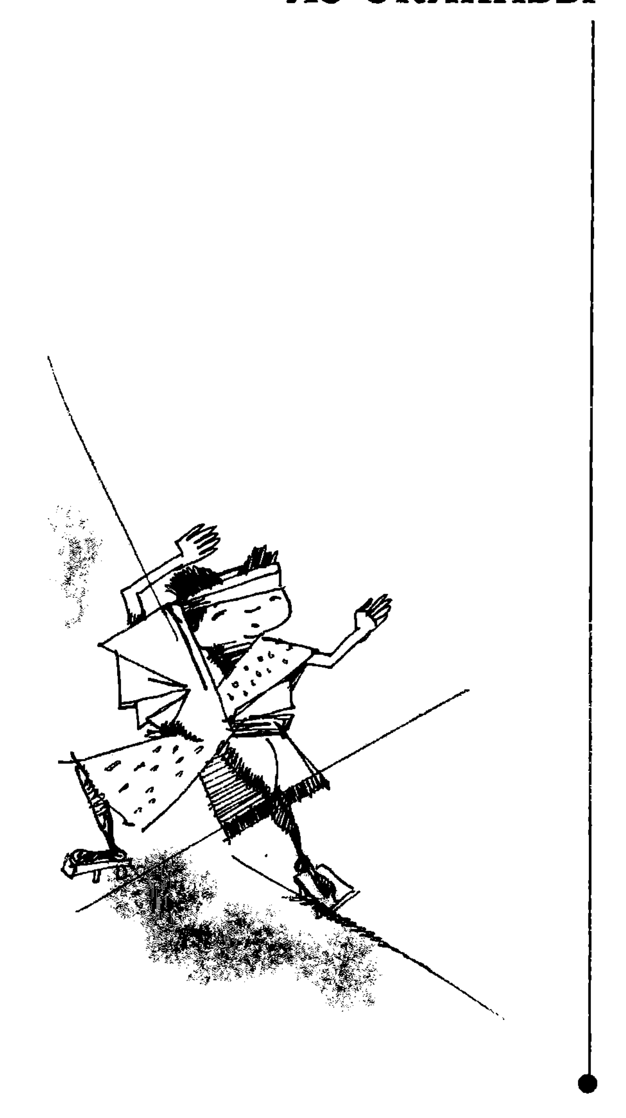
Когда я был ребенком, мы часто собирали дешевые макеты самолетов. Помню, примерно за пятнадцать иен можно было купить самую плохенькую модель бомбардировщика А-1[1]. Там даже бамбуковые палочки для каркаса все были прямые. Вот и приходилось постоянно греть их над свечкой и сгибать, но стоило приложить чуть больше усилий, чем нужно, и они тут же ломались.

---

[1] Дуглас А-1 «Скайрейдер» (Douglas A-1 Skyraider) – американский штурмовик, разработанный фирмой Дуглас в 1940-х годах. «Скайрейдер» четверть века состоял на вооружении ВВС и ВМС США.

И бумаги для крыльев с каким-то странным рисунком в наборе имелось ровно впритык. Стоило один раз ошибиться, и уже ничего не получалось, и приходилось покупать новый комплект. Так что вместо испорченной мы клеили рисовую бумагу. Клей и вовсе не входил в набор, поэтому модель скреплялась при помощи раздавленного и смятого пальцами вареного риса и, разумеется, выходила слишком тяжелой. Оттого самолеты сразу падали, так что толком поиграть не удавалось, даже если вся работа, предшествующая запуску, была проделана успешно. Помню, мы тогда очень злились на жадных производителей этих моделей.

ЖУЛИК-КАРАТИСТ ИЗ ОКИНАВЫ

В моем детстве был такой дядька – каратист из Окинавы[1].

Сейчас-то мне предельно ясно, что сочетание понятий «карате» и «Окинава» должно уже само по себе вызывать подозрения.

Этот дядька вывешивал флаг с надписью «Окинава», обвязывал голову повязкой с японским флагом, заявлял, что он приехал из Окинавы и торговал каким-то странным, похожим на растительное масло лекарством.

– Через несколько дней я повезу товар на продажу в магазин Мицукоси[2], – приговаривал он, – но вот перед

[1] Островной архипелаг на юге Японии.

[2] Мицукоси – известная и дорогая сеть торговых комплексов.

этим заехал к вам, чтобы продемонстрировать это чудодейственное средство. В магазине оно будет продаваться в красивых коробочках по две, три и пять тысяч иен, но сегодня, в качестве рекламной акции, я готов уступить его вам всего лишь за 200 иен!

Потом он мазал этим лекарством руку, говорил: «Смотрите, такого вы больше нигде не увидите!» и бил по камню. И тогда – о чудо! – камень раскалывался как миленький. Нет, серьезно, это не могло быть обманом или фокусом, все происходило прямо на глазах у публики.

Дети были единственными, кто попадался на эту удочку. К лекарству прилагалось пособие по карате, и все вместе это удовольствие обходилось в 50 иен. Мне очень хотелось купить эту мазь, а денег-то не было!

Как-то раз этот дядька три дня торговал поблизости от моего дома, а под конец и вовсе устроил распродажу, отдавал мазь иен за десять, но без учебной брошюрки.

Только я собрался купить это снадобье, как все ребята вокруг начали говорить, что, наверное, оно не настоящее. Мол, «мне папа сказал, что все это обман». Ну и так далее, в том же духе.

Я же упорно спорил, утверждая, что все по-настоящему, он же прямо на моих глазах разбивал камни.

Ребята возражали: «А папа сказал, что дядька камни специально подтачивает, чтоб те легко раскалывались. Поэтому у него и получается».

Мне уже начинало казаться, что они, пожалуй, правы, но все-таки хотелось попробовать – а вдруг? Всякое же бывает в мире. Чтобы не выглядеть дураками, мы говорили друг другу: «Да кто будет эту мазюку покупать», «Ага, да никто, ведь ясно, что она ни капельки не помогает». И все-таки покупали. Тайком.

Однажды по пути в школу я обнаружил, что многие ребята держат правую руку в кармане. А во время переклички в классе, когда называют твое имя и в ответ нужно поднимать руку, чтоб учитель мог тебя увидеть, выяснилось, что у них перебинтованы кисти. Вот потеха-то была! Они, оказывается, все-таки попробовали! Я присмотрелся – пальцы у них в царапинах и синяках. И так они все молчат и руки в карманах держат.

Пожалуй, другого такого явного обмана с лекарствами мне в жизни больше встречать не доводилось.

Еще ко входу школы обязательно приходил дядька, торговавший глиной. За пять или десять иен можно было купить набор с формочками, а готовую фигурку обсыпать золотистой или серебристой пудрой.

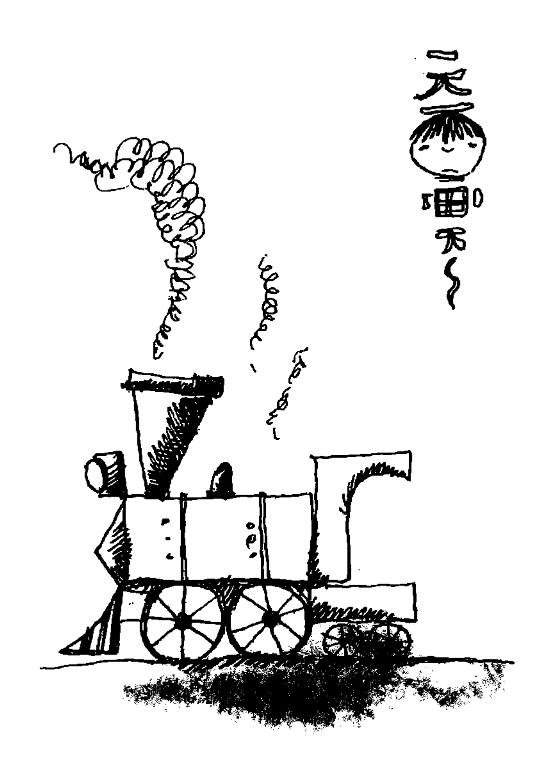
Если фигурка получалась удачно, то дядька давал призовые баллы – ставил печати на грязные картонные карточки. Нужно было набрать 100 баллов, и тогда он дарил огромную форму для целого замка.

Нам казалось, что это нечто действительно стоящее. Сейчас-то я понимаю, что сделать такие карточки – проще простого, да и формочки были, прямо скажем, не ахти.

Так вот, этот дядька часто без спроса выкапывал глину, которой после торговал, на поле, у нас за домом. Однажды хозяин поля, поймав его за этим занятием, долго кричал на него. То-то смеху было.

Редкостной жадиной был это продавец глины и мошенником притом.

СГОРЕВШИЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ПАРОВОЗИК

Когда я был ребенком, мне ни разу не перепадали те нарядные подарочные конвертики, в которых взрослые и родственники дарят детям деньги на Новый год. Моя мама всегда давала мне мятую и грязную 500-иеновую бумажку – без всяких там церемоний и упаковки. И с этой купюрой я шел в магазин. А надо отметить, что в то время были чрезвычайно популярны разные модели из пластика.

Выходил я на улицу, а там мне обязательно встречался приятель, у которого имелось много конвертиков, и в каждом по тысяче иен. Иногда их было штук десять, то есть всего у него получалось десять тысяч иен! А у меня – только пятьсот. И я заранее проигры-

вал, точнее будет сказать, что я вообще не составлял ему никакой конкуренции в плане обеспеченности. Но все-таки мы вместе шли в магазин посмотреть на паровоз типа H0[1], а он стоил аж четыре или пять тысяч. И это только один паровоз, а весь набор целиком стоил десять с чем-то тысяч иен.

У меня изначально не было никакой возможности купить этот паровоз, с моей-то наличностью в пятьсот иен. Это даже маленькому ребенку понятно. И все равно почему-то я шел в такие лавки, пусть от этого и становилось досадно.

Стоишь, бывало, и смотришь, как твой приятель делает покупки, и думаешь, как ты тоже купишь такое же... только на следующий год. Вот я и скопил за год около четырех тысяч и сам купил паровоз. Но еще же нужны рельсы и трансформатор, а денег уже не осталось.

Обычно я брал свой паровоз и шел в гости к богатеньким приятелям со словами: «Можно я его покатаю?», «А ты не мог бы мне одолжить рельсы?» Глупо, правда? Но я же не вино-

[1] H0 (Half Zero – «половина нуля») – типоразмер моделей железной дороги в масштабе 1:87.

ват, что мне приходилось просить. У моих товарищей из состоятельных семей этих рельсов было – просто завались. Я их одалживал, собирал вместе, ставил на них паровозик и толкал его рукой, ведь трансформатора-то все равно нет. А приятели вдруг неожиданно и против договоренности начинали отбирать одолженное – мол, не катай по ним свою игрушку, это ж мои рельсы. Как я злился на них тогда!

Делать было нечего, я накопил еще денег и через три месяца купил четыре кусочка рельсов, всего получился отрезок длиной примерно в метр.

Но и даже тогда я не мог играть как следует, ведь мне по-прежнему не хватало трансформатора. Приходилось просто ставить паровозик на рельсы и толкать его самому, но колеса у него не крутились. Внутри у паровозика имелся мотор, который вообще-то и должен был приводить их в движение, но в моем случае, без трансформатора, он был лишь никчемной помехой. Получалось, что поезд со скрежетом, едва-едва скользил по рельсам, будто кто-то на скорости дернул за ручку аварийного торможения.

Пришлось снова три месяца копить деньги. Что я только не делал – даже у брата клянчил на карманные расходы и вот наконец купил трансформатор.

«Вот теперь-то он будет ездить, – радовался я. – Я купил его сам, на свои деньги, и теперь все это – мое. Пусть всего один метр, но зато на этот раз он поедет».

Я подключил трансформатор к розетке и выставил его на отметку «1», но поезд не двигался. Тогда я начал крутить ручку и постепенно поднимать напряжение, дошел до цифры «10», а он все не трогался с места. Что-то тут не так, подумалось мне, и вдруг паровозик начал дымиться. Он загорелся прямо посреди комнаты, на татами[1].

Тут как раз вернулся мой отец, пьяный в стельку, и отвесил мне подзатыльник: «Ты что делаешь, балбес! Чего поезда в доме жжешь!»

Схватил игрушку и давай бить ею по моей голове. Особенно обидно было,

---

[1] Татами – матрасы, которыми в Японии застилают полы домов традиционного типа. Плетутся из соломы и соломой же набиваются, хотя в последнее время для набивки используется и пенопласт.

что паровозик так здорово горел – это из-за масла, которым смазан мотор. А не работал он наверняка из-за того, что я испортил двигатель, с силой толкая игрушку по рельсам, а потом еще и напряжение слишком высокое включил – вот он и задымился.

Я сильно горевал тогда и из-за потерянных денег, и из-за незаслуженного нагоняя, полученного от отца.

ОБЩЕСТВЕННАЯ БАНЯ

Раньше в банях было очень модно запускать игрушечные модели подводных лодок. Их делали из длинных и тонких деревяшек, а плавали они оттого, что раскручивалась намотанная на винт резинка.

Мы их запускали, например, из большей ванны в меньшую. Иногда такая деревянная лодка со всего размаху попадала какому-нибудь мужику по заднице – и тогда он начинал на нас орать, мол, больно ему. Вот такими делами мы занимались, приходя в баню. Торчали там по три часа, пока вся кожа не становилась сморщенной.

Еще в бане мы ныряли и даже умудрялись плавать баттерфляем. Иногда находились такие недоумки, которые

какали прямо в воду. Тогда кто-то говорил:

– Ну и гадость! Эй, хозяин, тут кто-то насрал.

Прибегал мальчик по имени Сансуке, зачерпывал плавающие фекалии вместе с водой при помощи чего-то вроде ковшика, размешивал воду и говорил: «Все, теперь чисто, все в порядке» – и все сидели дальше в той же воде, будто ничего и не было, со спокойными лицами: мол, бывает, а что тут такого? Отец так и вовсе полоскал в этой воде свою вставную челюсть. В общем, грязная была баня.

В зависимости от сезона ванны делали с аиром[1] или с юзу – цитрусами. В ванну с цитрусами бросали разрезанные пополам юзу, и под конец они превращались в совершенную кашу, вода начинала вонять, а на ее поверхности плавали пустые шкурки. На шкурках этих, если они попадались под ноги, можно было запросто поскользнуться и удариться затылком о кафельный пол. Ванна с аиром была не лучше. Так что в целом – ничего хорошего от этого пе-

[1] Аир – род многолетних вечнозеленых травянистых растений. В Японии считается, что он отгоняет злых духов.

риодического разнообразия ждать не приходилось.

В общественной бане сейчас везде шкафчики с ключами, а раньше все вещи складывали в круглые корзинки, сложенные в раздевалке. Мы любили ими кидаться, как кольцами на ярмарке — чтоб они попадали одна в другую, а дежурный нас все время за это отчитывал.

Воровства тогда не было, хотя бы потому, что и денег ни у кого не имелось — люди брали с собой ровно столько, чтоб хватило на посещение бани. Так что ничего не украдешь, только одежду. Но кто же захочет утащить грязное тряпье, тем более лежащее вперемешку с нижнем бельем? Никто ж трусы отдельно не снимает, а стаскивает вместе со штанами. Так все вместе это и валялось в корзинках. Некоторые умники поступали так: тщательно прятали старое, изношенное исподнее — прикрывали его верхней одеждой, сверху клали мыло и полотенце, а потом забывали о том, куда положили белье, и долго искали, бегая голышом по всей бане.

У всех тогда были смехотворно маленькие кусочки мыла. Случалось, что оно прилипало к крышке мыльницы или размокало и превращалось в ка-

кую-то субстанцию, похожую на пластилин. А из крышек мыльниц мы, мальчишки, часто пили воду.

Если моя любимая ванна была забита другими людьми – я всегда ждал. Сидел в соседних и караулил, когда место появится. Иногда казалось, что вот-вот освободится, и я уже вылезал и шел туда, а выходило, что это ложная тревога. Бывало, что даже перегревался, дожидаясь своей очереди.

Однажды, когда я учился в младших классах, я столкнулся в бане со своей одноклассницей. Прямо в ванне. Это было уже, пожалуй, слишком. Бывало такое, что отцы приводили с собой дочерей, которых стоило бы уже отправлять в женскую половину бани мыться самостоятельно. А то все окружающие смущаются. Сидишь себе в ванне, и вдруг прямо перед глазами – лобок.

Один папаша иногда приводил свою дочку, которая уже в пятом классе училась, а я как раз тогда начал интересоваться женщинами. Девочка та была не по годам развита, каждый раз смотрела на меня пристально, а мне так неловко становилось...

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР И ЛЕДЕНЦЫ

Мама моя была женщиной со странностями. Никогда не давала денег на уличный кукольный театр или покупку сладостей. Говорила, мол, заболеешь или отравишься. Вот, например, стоило мне купить желе из водорослей, как мне тут же за это влетало по полной программе. Ни в коем случае нельзя есть такую еду, потому что она считала это негигиеничным. Но вообще в чем-то мама была права, ведь тогда и вправду часто возникали эпидемии дизентерии. К тому же наша семья была бедной и мы не могли себе позволить тратить деньги на всякие излишества, глупые развлечения и ненужные мелочи.

Вот потому и представления кукольного театра мне все время приходилось не смотреть, а как бы подглядывать. У меня была своя тактика: я ходил с перчаткой для бейсбола и постепенно подкрадывался поближе, делая вид, что мой мячик улетел в ту сторону. Стоял тихонечко и смотрел. И обязательно находился какой-нибудь особо вредный ябеда, который тут же сообщал дядьке-кукольнику, что, мол, тут кто-то на халяву подсматривает. Эта фраза всегда относилась именно ко мне. Я с невозмутимым видом начинал подкидывать мячик и, гордо произнеся «сам дурак!», ретировался на заранее приготовленные позиции. Потом снова делал вид, что упустил мяч, подбирался тихонько и смотрел.

А еще мне всегда хотелось купить у лоточника сахарную пластинку с рисунком. Его еще надо было аккуратно выковырять по линиям, и за это давали приз. Сложная, скажу вам, задачка. Впрочем, мне трудно об этом достоверно судить, ведь я так ни разу и не попробовал. Яблок в карамели мне тоже не доставалось, а ведь это, должно быть, невероятно вкусно.

По той же причине — из-за неодобрения мамы и отсутствия лишних денег —

и в лавку сладостей путь мне был заказан, но туда я все-таки смог попасть и не единожды. Тогда как раз все мальчишки собирали наклейки-вкладыши к карамелькам фирмы Кобай. Эти наклейки были одной серии, с портретами бейсбольного тренера Мидзухары и его команды. Стоит себе такой огромный ящик с упаковками карамелек, но та самая, внутри которой прячется заветная фотография самого тренера, — только одна. Попробуй-ка ее угадать!

В лавке хозяйничала старая бабка, и, пользуясь этим, мы иногда хватали весь ящик — и бегом на пустырь. Вскрывали все упаковки, карамельки выкидывали за ненадобностью и рылись в поисках наклейки с Мидзухарой. Нужно было собрать целую команду во главе с тренером. Например, номер один — игрок Кавауэ, второй — Тиба. За собранную команду давали призы, а за три комплекта наклеек можно было получить даже настоящую бейсбольную биту! Наверное именно поэтому, из-за этих дурацких детских переживаний с наклейками, я до сих пор считаю, что Мидзухара — лучший тренер всех времен и народов.

Тогда же в тех лавках сладостей продавались треугольные леденцы. Ну

такие, с веревочками. Сквозь прозрачную крышку коробки виднелись конфеты разных размеров и вкусов, а веревочки торчали наружу, причем было совершенно непонятно, какая нитка от какой конфеты. В той лавке хозяйничала весьма ушлая старуха. Впрочем, честно говоря, и мы были далеко не ангелами. Когда мы объявляли, что хотим этих треугольных леденцов, она сначала выходила на кухню, старательно перепутывала ниточки, прятала концы в кулаке и только тогда позволяла выбрать. Мы тоже старались не дать обвести себя вокруг пальца — быстро дергали за ниточку, а если понимали, что это не та, тут же заявляли: «Не, я ошибся» и быстро отпускали. Хитрющая бабка отвечала, что мол, «нет уж, ты не ошибся, ты именно ее выбрал».

Споры доходили до того, что под конец она говорила: «Ты не дергай, ты просто назови ниточку, а я вытащу сама» и начинала давить на нас: «Ну, какую тебе? Шестую? Ты уверен? Ну ладно, на тебе шестую».

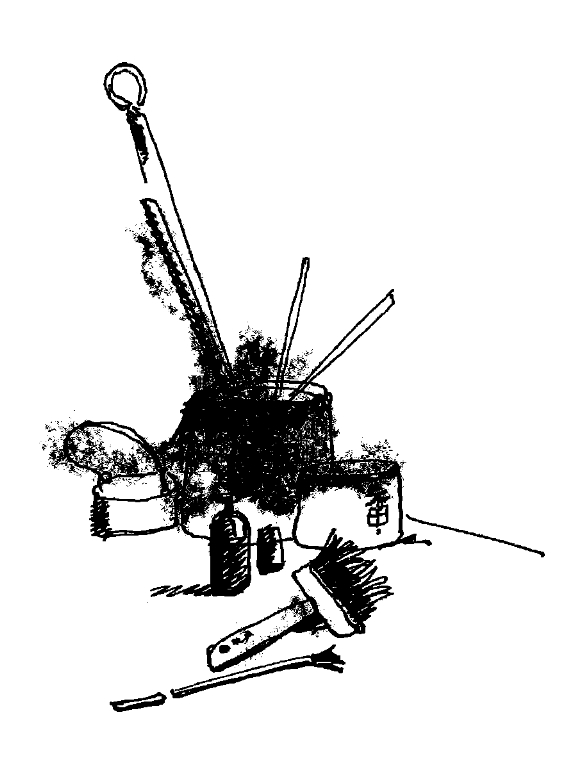
Делать было нечего, приходилось соглашаться. Обычно доставалась пустышка. Бабка неспроста хитрила — это мы виноваты, что вели себя как

чертенята, вот и ей приходилось под нас подстраиваться.

Если кому-то попадался самый большой клубничный леденец, она говорила: «Постой-ка секундочку», потом якобы случайно выпускала ниточку и, пока мы начинали разевать рты от негодования, быстренько заявляла, что ничего не видела, и приходилось тащить снова.

Как же она нас злила, старуха эта!

РАБОТА МАЛЯРА

Мой отец перед тем, как идти на работу, всегда проверял, хорошо ли смешаны краски и тот ли цвет получился. Проблема состояла лишь в том, что он имел дурную привычку пробовать их на воротах нашего дома.

Он разливал краску по банкам, перемешивал, а потом кистью размазывал по воротам. Иногда ворчал, мол, «что-то нынче плохо смешивается», добавлял другой цвет и снова пробовал. Поэтому ворота дома каждый день имели другой цвет, и по ним все сразу догадывались, что это дом маляра.

Известно, что у красок есть одна особенность – их цвет напрямую зависит от климата, влажности и погоды. Или там, например, от степени

высыхания. Кстати, нет ничего ужаснее, если краска у вас заканчивается на середине стенки – ведь такой же цвет повторить практически невозможно, и даже на первый взгляд видна разница между старым и новым куском стены. Поэтому самое сложное – это рассчитать так, чтоб краски хватило на все.

Наша семейка действовала весьма напористо и нагло. Когда приходил заказ на покраску стены, мой старший брат сначала шел оценивать объем работ, так как отец не обладал нужными для этого знаниями и умением общаться с людьми. Так вот, брат приходил на место, прикидывал, какой краски у нас осталось больше всего, и уверенно заявлял заказчику: «Вам подойдет серый». Почему серый? Да потому, что у нас прорва черной и белой краски, они смешиваются, и получается серый.

Однако иногда случалось, что краска заканчивалась не вовремя и надо было заново делать всю работу. Заказчики при этом, наоборот, приходили в восторг: «Ну, вы и молодцы, Китано, как тщательно, в несколько слоев кладете краску». А нам казалось, что они издеваются: нашли дураков – двойную работу делать.

Брат мой был тем еще пройдохой, он заставлял людей соглашаться на всякие безумные расцветки. Например, он заявлял, что в этом сезоне самый модный оттенок – розовый, и ему верили. Врал, конечно. Впрочем, люди в этом не разбирались, считали, что ему виднее, а может, им и вправду нравилось.

Раньше крыши домов часто покрывали гофрированным железом, и мы их тоже красили. Однажды так было смешно – отец соскользнул с крыши и повис на окне второго этажа. Вот умора-то! Хотя, если призадуматься, ничего веселого в этом нет, если бы он упал, то уж точно разбился; однако как же потешно он карабкался наверх!

В детстве мне представлялась возможность гордиться своим отцом только в одном случае – когда начинали строить дом. По обычаю перед началом стройки плотники ставили на месте будущего дома какую-то непонятную конструкцию, перебрасывали через нее рисовые лепешки, монетки – «на удачу», а потом все, кто будет принимать участие в работе, усаживались пьянствовать. Среди них всегда был мой отец. Я стоял,

смотрел, как они пьют, и в такие моменты меня прямо-таки распирало от гордости. Я говорил: «Эй, смотрите, это мой отец».

Наверное, и другие дети, глядя на эту сцену, мгновение, буквально одну секунду, мечтали, чтобы их отцы тоже были малярами или строителями.

ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

огда-то в детстве мы все увлекались ловлей насекомых. Заранее договаривались, встречались все вместе и болтали о чем попало, шляясь с сачком в руках. Мы, мальчишки, собирали паутину, наматывали на палки, делали из нее сети, иногда поливали водой, а на обрывки оставшейся паутины сажали паучка, совершенно уверенные в том, что он там же сплетет новую. В общем, творили всякие глупости. Ведь бедный паук думал только о том, чтобы благополучно унести ноги, а не о строительстве новой ловушки.

С помощью сеток из паутины мы охотились на небольших цикад. Надо отметить, что именно такой инструмент наиболее подходил для ловли

этих стрекочущих насекомых, поскольку они буквально прилипали к нему.

А что еще оставалось делать? «Птичий клей» нам был не по карману, да и вообще, и дураку ясно, что он предназначен специально для поимки птиц, а цикады и прочие насекомые не имеют к этому никакого отношения. Они ж влипнут так, что даже пошевелиться не смогут, не говоря уж о том, что крылья приклеятся и их придется по частям отдирать. А кому нужен испорченный экземпляр в коллекцию?

Во время каникул нас всех с утра сгоняли на зарядку в парк. За мной заходили приятели – и это не оставляло мне никакого выбора, идти или не идти. Спать хотелось страшно, но раз уж тебя позвали... Мне всю дорогу казалось, что эта зарядка, наоборот, вредна для здоровья – не высыпаешься, тебя шатает, да и голова с утра не соображает ничего.

Тем не менее по совершенно непонятной для меня причине мы собирались вместе и делали упражнения под радио. Например, под программу «Давайте стараться!». На помост забирался староста класса и показывал,

что надо делать. Потом нам ставили в книжечки печать о посещении, мы плелись домой и снова ложились спать.

Во второй половине дня мы бежали в школьный бассейн, где время посещения было распределено по дням и часам. Наверное, мне все-таки нравилось плавать, потому что мы часто посещали еще и муниципальный бассейн. Когда истекало время, я выходил, собирал одежду и дожидался следующего сеанса. Вот странно, да? Обычно все как делают: поплавают немного и спокойно идут домой, а я – нет. Я шел в конец очереди и ждал, когда можно будет окунуться еще разочек. Кроме того, выйдя из бассейна, я всегда много ел, как в прорву все уходило, настолько я умудрялся проголодаться после плавания.

Летнее домашнее задание за меня делала мама, правда только если обнаруживала, что я к работе и пальцем не прикоснулся. Но при этом мне сильно влетало, когда я своевременно не садился за уроки.

Еще мне всегда нравилось ходить в школу в самый разгар летних каникул. Нас обычно числа 10 августа один раз собирали вместе, так я это дело обожал, просто дождаться не мог.

У некоторых моих одноклассников лица успевали измениться за лето, частенько попадались и такие, кого покусала пчела. У этих всю щеку раздувало, будто у них флюс.

Да, тогда нас частенько кусали пчелы. Еще бы, мы ж специально тыкали в их гнезда палками. На укус следовало пописать в лечебных целях, мол, это ж чистый аммиак. Труднее всего было с жалами, вытащить их из себя было практически невозможно, да и чертовски больно к тому же.

Были и такие ребята, кто летом болел, так они приходили в школу с ужасно бледными лицами. Некоторые совершенно неожиданно попадали в дурные компании и аккурат летом превращались в отпетых хулиганов.

Потом наступал сентябрь, и я не мог дождаться встречи с одноклассниками, которых уже больше месяца не видел. Прямо трясся весь от возбуждения и предвкушения.

МОИ ПРИЯТЕЛИ ПО ИГРЕ В ВОЛЧОК

В детстве мы с приятелями очень любили играть в волчок[1]. Как известно, в каждой компании есть человек, который превосходит остальных во всем, так что и эта игра была полностью под его контролем.

Так вот, бывало приходит новенький с чуть более навороченным, чем у остальных, волчком и давай проситься сыграть с нами. Ну, тут и выходил этот, который самый главный, и вызывал его на бой. Еще бы, всякому охота классный волчок заполучить.

---

[1] На волчки различной формы наматывалась нить, потом игроки, дергая за нее с силой, раскручивали их на плоской поверхности и смотрели, кто кого выбьет за линию поля для игры. По правилам проигравший отдавал свой волчок победителю.

Напротив нас жил плотник, так его сынишка, пока не вырос, только и делал, что играл в волчок, да и вообще был большим молодцом – всегда выигрывал. Ну так вот, он тогда уже взрослым стал, а коллекцию волчков свою хранил и берег как зеницу ока. Вот в такусеньком ящичке у него лежало аж штук двадцать разных трофеев, причем каждый из них явно превосходного качества.

По виду волчков сразу понятно – хорошие они или так себе. А у него мало того, что отличные экземпляры, так еще и углы у них были сточены и сглажены. Ну, знаете, берете шестиугольный волчок, а потом шкуркой, аккуратненько убираете углы – это чтоб меньше отскакивал. На всех волчках из той коллекции даже имена бывших владельцев подписаны – ну там Коодзуру или Фудзимура. Один из них он подарил мне, тот, что с подписью Коодзуру. Как я его берег – налюбоваться не мог. Еще бы, это ж был мой единственный волчок: денег на покупку другого взять неоткуда. Так вот, пока все игроки наматывали нитки на волчки, я иногда резко выкидывал свой на поле и так же молниеносно убирал его обратно в карман. Ребята тут же начинали спрашивать:

– А что это было? А ну-ка еще разок повтори!

– Не буду.

– Ну тогда проваливай, раз не играешь.

Делать было нечего, я уходил в сторонку и крутил свой волчок в гордом одиночестве. Остальным так хотелось его заполучить, что иногда они снисходили до того, чтобы пригласить меня в игру. Но настаивали: используй именно тот волчок. И когда я однажды решился сыграть, по закону подлости мой волчок выбил какой-то совершенно несерьезный противник. Только и оставалось, что удивленно и расстроенно вздыхать, – таким простеньким и дешевым волчком меня победили. Моему разочарованию в тот момент не было предела. К победителю тут же подкатился богатенький мальчик: мол, продай трофей. Надо сказать, что ребята, кто ими торговал, были народом весьма ушлым, всегда сбывали с рук только те волчки, которые еще ни разу не выигрывали – выбирали штук пять слабеньких и продавали их по 10–20 иен.

Самое смешное, что те волчки тут же выбывали из игры – еще бы, такие плохонькие; а торговцы тут же предлагали следующие. Так они и зараба-

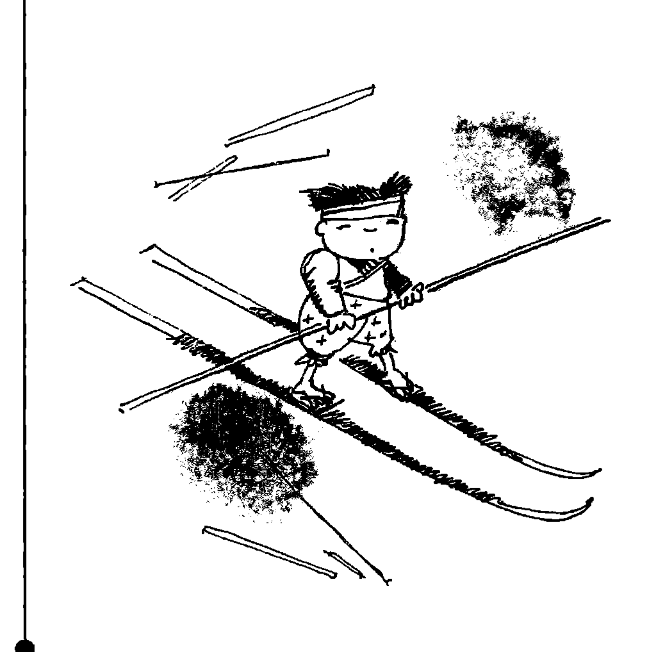
тывали, а на полученную прибыль иногда водили всех в лавку сладостей и угощали чем-нибудь вкусненьким.

Среди приятелей, с которыми мы тогда часто играли, был мальчик постарше нас. Он болел и не мог нормально ходить, вот я и составлял ему компанию. Он был уже взрослый парень, да вот только все с нами в волчок резался; подползал к нам, устраивался на двух своих циновках, играл сидя и все время проигрывал. Поэтому он всегда покупал у ребят новые волчки, те самые, бракованные, и, разумеется, тут же проигрывал их снова. Но мы с ним все-таки были настоящими друзьями, несмотря на его болезнь и странности.

А когда мы ссорились, он начинал кидаться камнями – драться, как все, он не мог. Жутковатое было зрелище – смотреть, как он медленно ползет за тобой, волоча свои циновки, да еще и камнями швыряется. В такие моменты он напоминал гусеницу, так доложу вам, картинка не из самых приятных. Вообще-то он был хорошим парнем и добрым товарищем.

Интересно, что он сейчас поделывает?

ЛЫЖИ ИЗ ЛУКА

Однажды мне рассказали, что моя семья, до того как начала заниматься покраской, изготовляла луки и торговала ими.

Еще позже я узнал, что мой отец был отличным мастером по лакам, да вот только в войну самих лаков не стало по причине их дороговизны и невостребованности. Тогда же семья моя переехала в Адати, один из районов Токио, где отец начал делать луки. Раньше были такие балаганчики, где можно пострелять из лука и, может быть, даже выиграть какой-нибудь приз, вот он и делал для них луки – огромные, японского типа[1], почти в че-

[1] Это лук длиной около двух метров, но, в отличие от других луков, рукоять делит его не пополам, а в пропорции один (низ) к двум (верх).

ловеческий рост. А у нас дома всегда валялась куча согнутого бамбука.

Тогда я понял, в чем дело. И мне сразу стало ясно, почему бабка-соседка, завидев маму, называла ее «лучницей». Раньше мне все время было невдомек, почему она так говорит. И я начал задумываться над тем, откуда у нас дома так много луков... А оказалось, что просто отец их раньше делал.

В те времена, стоило пойти снегу, мне страшно хотелось прокатиться на лыжах. Я восхищался этим видом спорта, но все никак не мог понять техническую сторону вопроса. Есть ботинки, они стоят на досках – это еще было понятно, но вот как они к ним крепятся?! Я все время считал, что их веревочками привязывают.

Ну так вот, однажды снежным днем я попытался изготовить себе лыжи. Разрезал напополам ножовкой один из луков вдоль длинной стороны (как мне потом за это влетело!), кстати оказалось, что пластины получились слишком узкие – не то это лыжи, не то коньки. Затем я приложил к подошве ботинок эти две планки и встал на них. С виду – лыжи как лыжи, даже кончики загнуты. Но только с виду. Вместо лыжных палок я взял шест, на

котором белье сушат, и попробовал проехаться по снегу, отталкиваясь им, как на плоту. А они вообще не скользят, ни в какую! Сколько раз я падал на землю! И только я решил: наверное, они не скользят, потому что бамбуковые, как вдруг неожиданно для себя сдвинулся вперед. Вот только это не лыжи проехались по снегу, а мои ботинки – по лыжам, прямо как по рельсам.

И тогда только до меня дошло, что тут что-то не так. Лыжи – это же не когда ботинками скользишь по луку, а когда ботинки вместе деревяшками скользят по снегу. Как видите, особым умом и сообразительностью я не отличался.

Осознав причину своей неудачи, я привязал ботинки к лыжам веревками. Разумеется, веревки, соприкасаясь с поверхностью, вдавливались в снег, и вся конструкция никак не могла скользить. Тут я психанул и принялся ходить в своих самодельных «лыжах» по полю, просто переставляя ноги: топ-топ-топ.

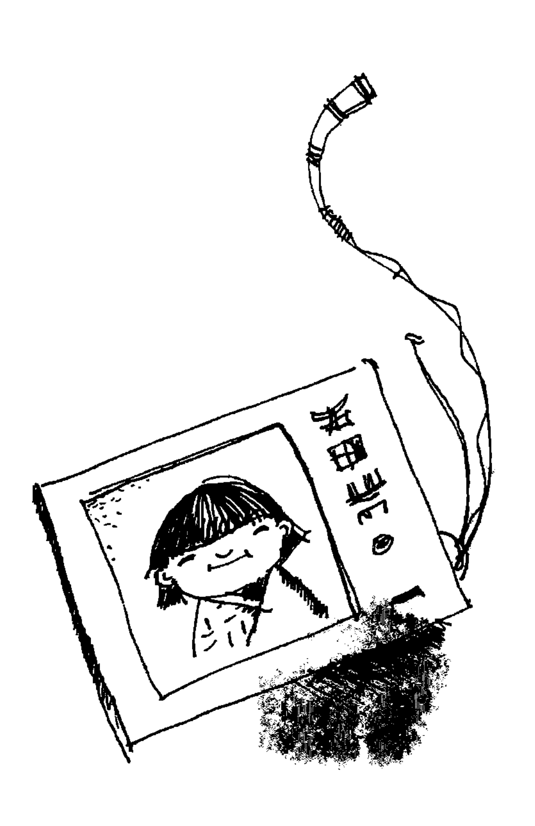
В те времена в Токио часто шел снег, так что я выносил эти бамбуковые лыжи и «катался» на них таким образом всю ночь. «Проехав» пару метров,

мне уже начинало казаться, что это здорово! На самом-то деле я не скользил, а с силой проталкивал эти лыжи вперед. Но даже это вызывало у меня восторг. Сейчас, вспоминая это, я испытываю обиду за самого себя.

На коньках же я все-таки чуть-чуть катался, вот только их брали на прокат и там были только модели для фигурного катания. В отличие от беговых, у них на конце зубцы, так и норовящие зацепиться за лед, из-за них я частенько падал. Да и в прокате вечно не находилось моего размера, и мне доставались только красные, девчачьи. Так я и катался – страшно неуклюже и в женских коньках.

Я всегда необычайно завидовал тем ребятам, кто умел кататься и рассекал по льду на своих беговых, на настоящих коньках. Особенно здорово смотрелось, когда они резко тормозили боком, поднимая при этом облачка ледяной пыли.

ПЛАСТИКОВЫЙ ФУТЛЯРЧИК ДЛЯ ПРОЕЗДНОГО

Я в детстве был тем еще сорванцом, но моя мама неизменно находила на меня управу.

Не то чтобы она что-то запрещала — просто всегда видела меня насквозь и прекрасно знала, что я натворил. Впрочем, что бы ни случилось, виновником без всяких разбирательств считался именно я — так ведь больше и некому! Поэтому в те времена моя жизнь представляла собой сплошное противостояние с мамой. Либо я ее обведу вокруг пальца — либо меня поймают и накажут.

Для меня не столько было важно обхитрить мать, сколько, как всякому ребенку, урвать себе возможность поиграть в свое удовольствие. А для этого нет иного выхода, как обманывать

маму. Мне казалось, что если мне удастся улизнуть из дому незамеченным, то уж тогда я могу творить все, что моей душе угодно. Вот только после осуществления побега у меня начинали мурашки бегать по коже от понимания, как мне потом влетит.

И тогда, осознав последствия, мне уже море было по колено: ведь что так, что эдак – все равно достанется по полной программе. После того как я сбегал, мне оставалось только прийти с повинной и выслушивать потом многочасовые упреки и нравоучения. Раз уж ушел, то все равно придется просить прощения, а уж за что – совсем другое дело. Поэтому когда мама ловила меня на проступках, у меня возникало ощущение: я успел сделать все, что хотел, и свое удовольствие все-таки получил, а дальнейшее – неизбежная кара за мои действия.

Впрочем, все это лирика, против родителей все равно не попрешь. Так что обычно все мои выходки не оставались безнаказанными.

Один раз я стащил у мамы из кошелька 100 иен. Если хорошенько припомнить, то по тем временам моя семья в день тратила такую сумму на еду – этого хватало на завтрак, обед

и ужин для всех. Так вот, я украл эти деньги.

Мама пришла в страшную ярость — она с самого начала знала, что это моих рук дело, а я притворялся, будто я тут ни при чем.

Ну так вот, с деньгами этими я выскочил из дому, счастливый по уши. А тут как раз мимо проезжал торговец всякими рыбными вкусностями в бульоне – вот я и наелся до отвала. Потом пошел в лавку мелочей и сладостей, купил пластиковый футляр для проездного, вложил туда свою любимую фотографию и наелся разными лакомствами, вроде того самого запрещенного мамой желе из водорослей. А остаток потратил на кукольный театр и тому подобную дребедень. Вернулся домой и завалился спать, а у изголовья лежал этот футляр для проездного – вот из-за него мама и догадалась.

Она безумно разозлилась и сразу начала на меня орать: «Это ты стащил у меня деньги из кошелька!»; била меня так, что я до сих пор помню.

Но как вам это объяснить... мне так отчаянно хотелось носить в том футлярчике фотографию тренера Каваками, что последствия меня не интере-

совали. Точно такой же чехольчик я видел у моего приятеля – с молнией, а на обратной стороне предусмотрено отделение, куда складывать мелочь. Как мне хотелось заполучить его! Это было моей настоящей «голубой» и несбыточной мечтой. Мне даже виделось, как я кладу его в свой карман, потом вытаскиваю оттуда и разглядываю вложенные фотографии бейсболистов или борцов сумо.

В общем, все так вышло из-за того, что мне страшно хотелось иметь такой пластиковый футляр для проездного...

БЕЙСБОЛЬНАЯ ПЕРЧАТКА

Рядом с нашим домом располагался магазинчик подержанных товаров, или, правильнее сказать, нечто среднее между ломбардом и лавкой дешевой галантереи. Там можно было купить все, что угодно – от сёги[1] и маджонга[2] до зонтиков, деревянных мечей для кэндо, в общем всякую дребедень.

---

[1] Сёги – японская настольная логическая игра, родственная шахматам. Название переводится как «игра генералов».

[2] Маджонг (также мацзян или мадзян) – исконно китайская азартная игра в фишки с использованием игральных костей, широко распространенная в Китае, Японии и других странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Игра включает элементы домино и покера и требует от играющих таких качеств, как опыт, наблюдательность, и в определенной степени везения.

Перед входом вперемежку висели металлические сетки с разными мячами и штук семь перчаток для бейсбола, связанных ниточкой у запястья. Раньше все эти перчатки были одной модели, одного цвета – с незначительными вариациями коричневого, от светлого до темного, – и одной разновидности: между большим и указательным пальцем налеплено что-то вроде пластыря. Таких перчаток, как сейчас – с сеточкой или Т-образными вставками – просто еще даже не придумали.

Так вот, эти перчатки продавались примерно по 900 иен за штуку. И я все время ныл, что хочу такую перчатку, пока мама со старшим братом не наскребли около 800 иен на покупку. И вот в день, когда случился страшный тайфун, мы с братом, укрывшись под одним зонтиком, пошли за перчаткой. Дул такой сильный ветер, что зонт аж наизнанку выворачивало. До сих пор не понимаю, почему мы выбрали именно этот день. Впрочем, если ты уж чего-нибудь хочешь, тебе настолько невтерпеж, что ни дождь, ни ветер не помеха. Так что мы вместе с братом отправились в этот магазинчик, а оказалось, что хозяин под-

нял цены, и нам не хватает аж 180 иен. Брат очень меня любил. Он очень сильно хотел сделать мне этот подарок, торговался, упрашивал, как мог. А хозяин ни в какую, стоит на своем. Брат был расстроен и раздосадован настолько, что даже заплакал прямо перед этой лавкой, а мне стало так пронзительно грустно... Мы пошли домой плача и ни с чем.

Пришли домой, утирая сопли, а там отец бьет маму – супружеская ссора, как обычно. Глядя на это, меня и вовсе обуяли печаль и обида – вот насколько у нашей семьи все плохо!

Просто это было воскресенье, да еще к тому же шел дождь, так что для маляра никакой работы не нашлось, и отец весь день сидел дома. А мать начала его попрекать, что он, мол, без дела валяется, да и пьет слишком много. Вот он и разъярился. Одновременно с этим брат мой плакал, что мне не досталось бейсбольной перчатки. И стоило мне подумать, что и мне надо бы за компанию начать носом шмыгать, как сразу у меня градом полились слезы. Печальный и тяжелый тогда выдался день.

Отец всегда поколачивал мать. Если бабушка пыталась вмешаться, то он

бил и ее – свою родную мать! Моя бабушка преподавала музыку к традиционным японским спектаклям. С мамой, то есть с ее невесткой, у нее сложились хорошие отношения. Бабуля понимала, насколько никчемным был ее сынок, и часто извинялась перед мамой, что воспитала такую бестолочь. Но стоило отцу услышать ее слова, как он немедленно свирепел и начинал орать: «Как ты позволяешь себе так говорить о родном сыне!» и пинал бабушку. А ей-то уже было восемьдесят с лишним лет.

Вот так-то. Мой дом действительно напоминал преисподнюю.

Как бы то ни было, в те времена мне очень хотелось бейсбольную перчатку, но это оставалось недосягаемой мечтой, ведь мне даже на Новый год больше 500 иен ни разу не подарили.

Я ВСТРЕЧАЮ ОТЦА ИЗ КАБАКА

У моего отца был ежедневный устоявшийся маршрут посещения питейных заведений.

После работы он всегда сначала шел играть в патинко[1], затем заходил в кабак под названием «Синония» около станции Умэдзима[2] и уж только потом добирался до дома.

Перед этим кабаком, на противоположной стороне дороги, находилась оптовая лавка красок, владельцы которой доставляли сделанный заказ прямо на дом. Поэтому отец всегда

---

[1] Игровой автомат, представляющий собой промежуточную форму между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом.

[2] Станция Умэдзима находится в Токио, в одном из центральных районов Адати.

покупал там материалы, а потом отмечал это грандиозное событие с товарищами в ближайшем питейном заведении, а именно в «Синония».

Самый большой приз, который отец когда-либо выигрывал в патинко, представляла пачка сигарет. Даже если ему доставалась жвачка или карамельки, он никогда не давал их мне, поскольку мама утверждала, будто это очень вредно для здоровья. А она, в свою очередь, все надеялась, что он когда-нибудь выиграет хоть что-то ценное. Поэтому весь отцовский шкаф был забит какими-то мелкими сладостями. Впрочем, и сигарет там тоже хватало. Однако надо отметить, что отец почти каждый день проигрывал, и оттого страшно не любил признаваться, что ходит в патинко и спускает там деньги, которых у нас и без того мало. Кажется, он и прочими, более серьезными азартными играми увлекался, да вот только тщательно это скрывал.

Ну так вот, по традиции, после заказа красок он всегда заходил пропустить стаканчик в «Синония» и наказывал матери, чтобы она прислала за ним меня. Ведь если я буду стоять у него над душой и тянуть его домой, он сможет

заставить себя уйти пораньше и не напиться до бесчувственного состояния.

От дома до «Синония» путь был не близкий, поэтому мне приходилось ехать туда на велосипеде, а потом на обратном пути следить, чтобы пьяный отец не слетел с него и не сломал себе шею.

Так вот, я приходил в этот кабак, и часто оказывалось, что кто-то заводил разговор о нашей семье, например:

– О, я слышал, что у Китано все дети очень умные.

А тут как раз я появлялся на пороге. Отец отвечал:

– Так и есть. Этот в среднюю школу ходит, а старший уже в университете учится, – и тут же спрашивал у меня невпопад: – А брат твой где?

На это у меня была заготовленный и заученный ответ:

– Еще из универа не вернулся.

Отец начинал с притворным удивлением возмущаться:

– Что?! Как это еще не вернулся?!

Он задавал мне этот вопрос, чтобы, прикинувшись рассерженным, получить возможность многократно повторять эту фразу. Тогда кто-то из незнакомых мастеровых удивленно переспрашивал:

– А что, ваш сын в университет пошел учиться?

А отец горделиво и радостно отвечал:

– Да, хоть я и говорил этому дурню, что это вовсе не нужно.

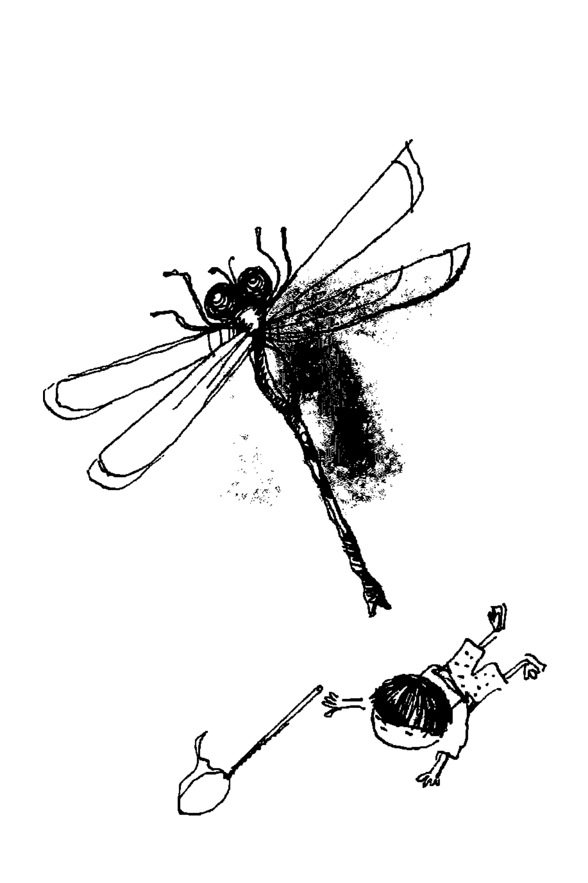
Для него эта была единственная тема, которой он мог похвалиться перед товарищами, и ее обсуждение превратилось в своеобразный ритуал, совершив который, отец возвращался домой, довольно приговаривая:

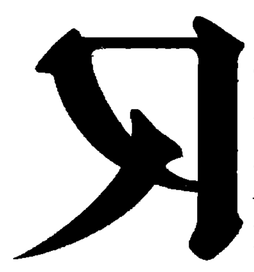
– Пожалуй, правильно говорят, что в наше время без образования – никуда.

Для отца сама возможность рассказать посетителям «Синония» о своем сыне-студенте была чуть ли не самой большой радостью в жизни, поскольку сам-то он даже писать не умел.

Каждый день я тащил шатающегося отца домой, а тот то распевал песни во все горло, то, наоборот, что-то бубнил себе под нос. Мой отец был малодушным, слабохарактерным человеком; пока не выпьет – ни слова сказать, ни дела сделать не может. А когда трезвый – мать на него могла орать сколько угодно, он все терпел. Вот такой никчемный, пропащий человек.

СТРЕКОЗЫ И КУПАНИЕ В РЕЧКЕ

в детстве обожал стрекоз, особенно таких крупных, которые назывались ониямма[1]. Они были здоровыми, наглыми и летали, как им вздумается, не обращая внимание на всяких там окружающих мошек. Говоря о стрекозах, я всегда представляю себе именно этот вид.

В те времена они казались мне невероятно крупными. В полете они напоминали самолеты, мощные, как В-29[2].

---

[1] Ониямма, или Безушник Зибольда (Anotogaster sieboldii) – крупнейший в Японии вид стрекоз. Длина взрослой особи достигает 11,3 см, длина крыла – 5,4 см.

[2] В-29 – американский стратегический бомбардировщик, разработанный в начале 1940-х годов. Считается лучшим стратегическим бомбардировщиком периода Второй

Я их даже почти боялся и поэтому искренне считал героями тех, кому удалось отловить себе такое сокровище в коллекцию.

Ониямму можно было легко поймать, если использовать самку того же вида в качестве приманки, но вот только попробуй сначала эту самку изловить. Поэтому приходилось использовать обычных стрекоз, тех, что помельче.

К приманке привязывалась ниточка и раскручивалась над головой, и поначалу несколько штук ониямм подлетали поближе. Я тоже подкрадывался поближе, крутя приманку и затаив дыхание, но в какой-то момент нитка перерезала стрекозу-приманку, и она распадалась на кусочки. Случалось, от нее отлетали и крылья и хвост, а я все продолжал размахивать только тельцем несчастной стрекозы. В общем, я продолжал крутить останки насекомого, а ониямма подлетали и пожирали их. Совершенно удивительные и жутковатые существа, они заглатывали угощение в один присест.

мировой войны. В-29 получил мировую известность после того, как в августе 1945 года самолеты этого типа участвовали в атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

Когда я видел ониямму, я принимался гоняться за ней как сумасшедший, не спуская с нее глаз, и потому частенько падал в канавы или, что еще хуже, в отстойники.

Летом наша хулиганская компания часто собиралась вместе, и мы ехали на велосипедах к реке. На берегу всегда стояла табличка «Купаться запрещено» с изображением черепа или скелета. А рядом – вторая, на которой был нарисован улыбающийся каппа[1]. В принципе он не такой уж страшный, но почему-то эта картинка нам казалась даже более зловещей и мерзкой, чем первая.

Но все равно нам страшно хотелось купаться, поэтому мы переодевались в плавки на какой-то странной, замусоренной полянке на берегу речки и бежали плавать. Бывало, что мимо проезжал с осмотром полицейский на велосипеде – тогда мы быстро хватали свои вещи и прятались от него в высокой траве. Что мы только не вытворяли...

Река Аракава, к которой мы ходили, в те времена еще не была благоустроена – глинистые берега, покрытые

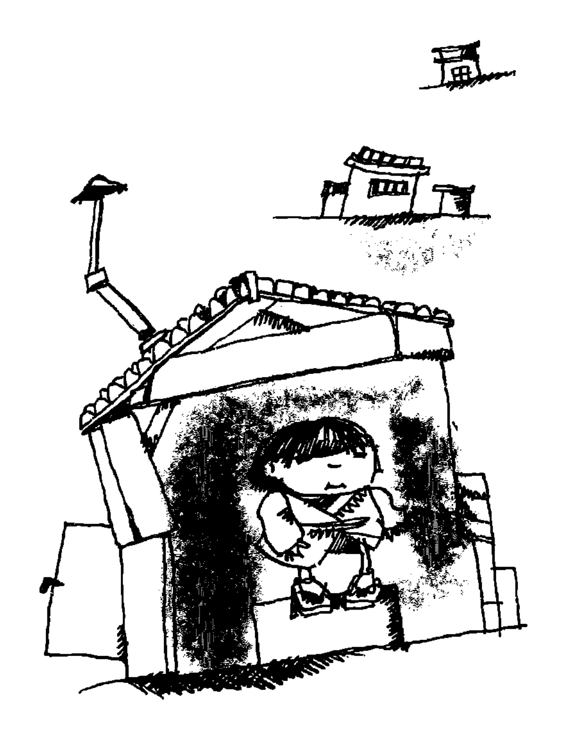
[1] Каппа (яп. «речное дитя») – японская разновидность водяных.

всяческим хламом, илистое дно... Доходишь до начала проточной воды и запросто можешь обнаружить там нечто вроде сломанной скамейки. Нас это не беспокоило – наоборот, мы радовались, что есть куда положить вещи. Потом мы заходили дальше, где грязь была уже по колено, ложились на воду и плыли. Хотя плавать в такой воде особо не следовало, сколько народу там утонуло из-за этой глины – страшно сказать.

Еще мы иногда скидывались и брали напрокат лодку. Среди нас были такие умники, которые прямо с лодки ныряли в воду. Как-то раз я сидел на веслах, и лодку начало сносить, а тот, кто прыгнул, не мог нас догнать из-за течения. Он тогда чуть не утонул. Я хотел развернуть лодку, но только не знал, как это сделать, а приятель мой хоть и плыл изо всех сил, но расстояние между нами все увеличивалось. Я не знал, что мне делать, я пытался к нему подплыть, но не мог сообразить, как управляться с веслами. Если грести только правым веслом, то лодка поворачивалась и потом просто начинала описывать круги около моего тонущего приятеля. Но под конец я его все-таки как-то спас.

Нас тогда сильно снесло вниз по течению, и хозяину лодочной станции пришлось вытаскивать нас обратно на моторке. Далеко же мы тогда уплыли... Впрочем, проблема не в том, что уплыли, а в том, что не смогли вернуться. Да и хозяин тоже хорош, чем он тогда думал – дать лодку напрокат ученикам начальной школы! Мы ж все утонуть могли!

МОЙ ПРИЯТЕЛЬ ИЗ ОЧЕНЬ БЕДНОЙ СЕМЬИ

Среди моих друзей был один такой мальчик – из семьи еще более бедной, чем моя, и глупый от природы. Так вот, я однажды разрушил его дом и не могу сказать, что это произошло случайно.

В те времена жилища бедняков делали очень простыми, существовали даже и такие, в которых не имелось нормального входа. В обычных домах как все устроено: вход, потом прихожая, а у моего приятеля дома даже прихожей не было. Обклеенная грязной бумагой дверь, ведущая в дом, откатывалась в сторону[1], прямо как в ис-

[1] Такие двери обычно используются для разделения комнат внутри дома и называются *фусума* или *сёдзи*. Фусума – скользящая дверь в виде обклеенной с двух сторон бумагой деревянной рамы.

торических фильмах о средневековой Японии, а само строение одиноко торчало посреди поля, без всяких дворовых построек или палисадника. Оно было настолько хлипким, что при приближении тайфуна его приходилось целиком оббивать листами ДСП, чтобы ненароком не развалилось от дуновения ветра.

Внутри за дверью был такой же земляной пол, что и снаружи, а в двух шагах от входа его застилали татами. Да и то не настоящими татами, а просто сплетенными из соломы матами, положенными на картонные ящики из-под мандаринов. При ходьбе они продавливались, а местами и вовсе можно было сквозь них провалиться.

Вот в таком доме и жил мой приятель с братом и мамой, она подрабатывала, где только могла, чтобы хоть как-то прокормить себя и своих мальчиков. Однажды все его семейство отправилось на дальнюю прогулку — то ли они решили сходить в парк развлечений, то ли просто развеяться, но, в общем, отправились они гулять надолго, так как взяли с собой термосы и коробочки с едой.

Мы с моими приятелями, среди которых был и сын плотника, видели, как

они уходили, и решили проникнуть к ним в дом. Мол, семья-то бедная, любопытно, как у них все устроено. Вот и забрались внутрь, а там все оказалось настолько грязно, что мы не смогли сдержать смех. Тогда сын плотника притащил из дома ножовку и в шутку стал подпиливать столбы, на которых держалась крыша. По мере того как на деревяшке появлялись новые царапины, мы все больше увлекались и под конец полностью спилили столб. И тут дом начал внезапно кривиться, и не успели мы выбежать, как он сложился как гармошка. И все потому, что мы спилили основную опору!

– Что же нам теперь делать?

– А что уже сейчас-то поделаешь?

В общем, мы просто сбежали оттуда. Позже, на закате, мы наблюдали, как семья моего приятеля вернулась домой. Увидев, как три фигурки в молчаливом остолбенении замерли рядом с останками здания, я начал осознавать, что же мы натворили. Теперь посреди поля вместо дома лежали какие-то доски, а целая семья, у которой и без того достаточно проблем и невзгод, осталась без крыши над головой. Ох как плохо мы тогда поступили!

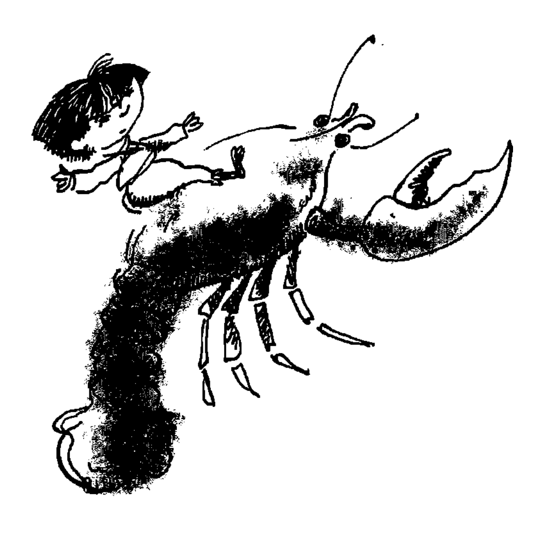
Эта семья была настолько бедной, что моему приятелю приходилось часто пропускать школу. Учитель говорил классу, что такой-то ученик заболел и не придет, а спустя какое-то время я сталкивался с ним на улице. Я тогда еще удивлялся, что же это он – больной, а не сидит дома и не лечится. Только сейчас я понимаю, что никакая эта не болезнь, просто у них не было денег и ему приходилось подрабатывать, чтобы семья хоть как-то могла свести концы с концами.

В те времена было много неполных семей. Из-за этого некоторые ребята даже приходили играть в бейсбол с младшей сестричкой или братом за плечами, потому все взрослые работают, а малышей не с кем оставить дома. Играть толком эти мальчишки не могли, зато старательно охраняли базы.

Малышня периодически начинала реветь, и тогда старшим приходилось прерывать игру и нести их домой, чтобы поменять подгузник.

И все равно ребятам очень хотелось играть вместе со всеми, и они приходили, несмотря на всевозможные помехи и трудности.

ТАЙФУН И РАКИ

Мы с соседскими ребятами всегда с нетерпением ждали прихода тайфуна, потому что для нас это было грандиозным событием, чуть ли не праздником. Тем более что наш дом стоял на возвышенности, и нам не грозила опасность быть затопленными. В крайнем случае сваи дома подмочит – и все. Поскольку никакой реальной угрозы и ущерба не предвиделось и жилище наше ни при какой погоде все равно не могло всплыть, это позволяло нам, детям, относиться к грозному природному явлению с изрядной долей легкомыслия.

Еще одним приятным дополнением к тайфуну было то, что в такие дни нас всегда пораньше отпускали домой, а

там отец уже начинал заколачивать дверь в прихожую крест-накрест какими-то грязными досками, подобранными по соседству. Потом приходила мама, осматривавшая дом вокруг, и начинала ворчать:

– Вот ты, дурень, заколотить-то заколотишь, а как ты потом внутрь попадешь?

– Ты чего, мать? Я что, по-твоему, совсем идиот!

И давай ссориться. А отец и вправду потом не смог забраться в дом, потому что окно было слишком высоко, и ему пришлось карабкаться наверх по приставленной стремянке.

Особенно забавно и увлекательно было слушать прогнозы погоды по радио, там каждые полчаса сообщали об усилении ветра и направлении его движения. А когда мы попадали в центр циклона, наступала звенящая тишина.

Каждый раз, когда порыв ветра был особенно сильным, отец оживлялся, будто это праздник какой-то, начинал приговаривать: «О, пошел, пошел, пошел!» Он относился тайфуну как к живому человеку и разговаривал с ним, будто тот мог дать ему ответ. Причем отец постоянно менял свое

отношение к происходящему: то говорил, что ветер слишком разошелся; то, наоборот, мол, что это за тайфун такой слабенький, аж не интересно; то вдруг страшно пугался и ворчал, что это к добру не приведет и стоит пропустить по такому поводу рюмку-другую. Придя к такому выводу, отец тут же быстро напивался.

И еще одно отличие этого дня – в моей семье даже с приходом ночи не ложились спать, просто валялись на татами и наслаждались звуками бушующей стихии.

На следующий день почти всегда стояла необычайно солнечная и ясная погода, будто вчера и не было никакой бури, а небо казалось глубоким и бездонным. Поблизости от нашего дома располагался ров, в котором скапливалась вода. Так в этот ров часто сваливались и иногда тонули люди, которые пытались увернуться от автобуса, едущего по залитой водой улице.

На мокром асфальте зачастую оставались валяться раки... такие красные, они угрожающе поднимали свои клешни при виде человека. Я помню, что все эти раки были почему-то беременны. И вот они – с брюхом, пол-

ным будущих детей, – задирали клешни и, не удержав равновесия, заваливались назад. А еще на следующий день после тайфуна начинали ходить слухи о том, что у каких-то соседей из вышедшего из берегов пруда сбежали карпы, или еще какая домашняя рыбка, и о том, как их потом ловили по залитому водой городу.

Еще несколько последующих дней на улицах нередко попадались плавающие какашки.

«Ну и гадость», – говорили мы и поддавали их ботинками.

Кроме того, где попало зачастую валялись снесенные водой крышки от отстойников, ну такие, которые обычно закрывают дыры, куда машины по сбору нечистот запихивают шланг.

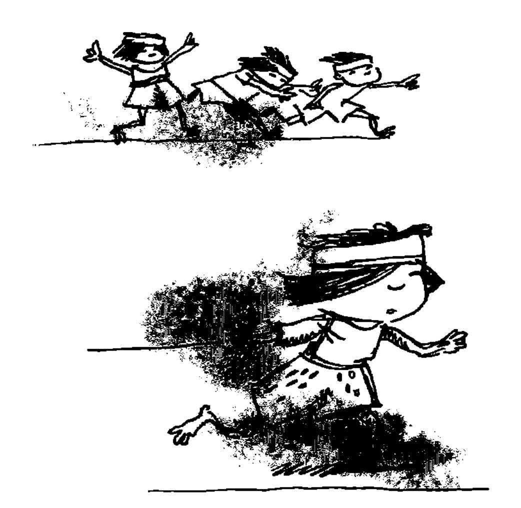
– Что это такое, крышка от кастрюли, что ли?

А вот и нет, эта крышка – от какашек! Несмотря на все свое отвращение, мы их зачем-то собирали и использовали как бейсбольные перчатки.

После тайфуна всегда начинались эпидемии дизентерии, и с утра по дороге в школу я видел много домов, которые специальные службы в санитарных целях засыпали ДДТ, словно снегом. Вход в такие жилища выглядел

так, будто только на этом пятачке неожиданно наступил зима. Непонятно зачем, но дети из этих домов приходили учиться в школу как ни в чем не бывало, лучше дома отсиделись бы, чтобы заразу не разносить. Я особо остро чувствовал всю ненормальность и сумасшествие этого мира, когда смотрел на них, склонившихся над учебниками в классе, с белыми от ДДТ головами.

НЕУДАВШИЙСЯ СПОРТИВНЫЙ ПРАЗДНИК

В те времена были такие дети, которые на ежегодных школьных спортивных праздниках[1] выкладывались по полной программе.

Такие ребята обычно не отличались особым умом, но зато очень быстро бегали и всегда, с первого по пятый класс, занимали призовые места в школьных состязаниях. Задолго до самого праздника они приступа-

[1] В каждой японской школе раз или два в год по воскресеньям проводится спортивный праздник, длящийся с утра до вечера и состоящий из многочисленных соревнований по всевозможным видам спорта (бег, прыжки в длину, перетягивание каната), танцев и семейных конкурсов. Все ученики школы делятся при этом на две группы – красные и белые, что символизирует противостояние двух воинских кланов Минамото и Тайра в средневековой Японии.

ли к тренировкам, а бегать начинали уже накануне вечером и вкладывали в это дело всю свою душу. А как они оживлялись и радовались во время самого мероприятия – их было просто не узнать. И всегда занимали первые места практически во всех состязаниях и неизменно получали свои призовые карандаши и тетрадки.

У нас в школе тоже учился такой мальчик, и он тоже был вечным победителем, пока однажды на каком-то спортивном празднике не приняли решение провести необычное состязание. В бутылку на нитке опускался гвоздик, который, застревая, становился поперек горлышка, и таким образом ее можно было поднять и перенести. И только у нашего старательного мальчика гвоздь никак не желал пролезать в бутылку, и он оказался последним в этом конкурсе. В первый раз за пять лет! Глаза у него были на мокром месте, потому что самое страшное поражение в спорте, которое он до сих пор пережил, – оказаться на втором месте. С этого случая для него началась полоса неудач.

В другом состязании, беге на трех ногах парами[1], ему не повезло с парт-

[1] «Бег на трех ногах» – вид соревнований по бегу для детей; соревнующиеся бегут пара-

нером. Тот все время отлынивал, не желая стараться и не стремясь к победе как таковой, и потому они не попали даже в первую тройку. Потом – забег на пятьдесят метров, в котором этот мальчик всегда выигрывал, но и тут его постигла неудача: прямо перед финишем он споткнулся, растянулся на земле во весь рост и, рыдая, пересек линию последним.

Для него этот спортивный праздник был чуть ли не единственной отрадой, одной из немногих возможностей показать себя с лучшей стороны, потому что, как уже говорилось, особым талантом в учебе не отличался. Но на этот раз он проиграл во всех соревнованиях. От расстройства и разочарования бедняга даже в школу не пришел на следующий день. Мне было его невероятно жалко.

На этих спортивных праздниках особенно выделялись дети богатых родителей. Глава родительского совета всегда сидел под тентом вместе с власть имущими – директором и завучем – с огромным цветком, приколотым к груди в честь праздника, и снисходительно аплодировал, когда считал

ми, причем правая нога одного участника привязана к левой ноге другого.

это уместным. Так вот во время обеда только ребенок главы совета имел право сидеть и есть с ними под тентом, а директор при этом еще и ласково гладил его по голове.

Нам же, обычным смертным, приходилось расстилать циновки в специально огороженных местах вместе с нашими родителями. Если начинал идти дождь, что как назло случалось достаточно часто, ситуация становилась еще более драматичной: они там себе под тентом преспокойно сидят как ни в чем не бывало, а нам с матерью приходится поближе прижиматься друг к другу и есть, кое-как прикрывшись газеткой. Нет чтобы отменить праздник – какой тут спорт, если дождь идет!

Куда там, бывало, нас заставляли перетягивать канат, стоя по колено в размокшей грязи. И только сыночек председателя родительского комитета преспокойно сидел под тентом. Это была настоящая дискриминация, только мы об этом не догадывались, принимая все как должное: что уж тут поделаешь, раз это сын самого председателя.

Однажды, когда я бежал дистанцию в пятьдесят метров, произошел такой интересный случай. Я был где-то на третьем месте, когда мальчик передо мной

споткнулся, и я, не успев среагировать, полетел на землю вместе с ним. Так что к финишу мы пришли последними. Я страшно расстроился и, пошатываясь, весь покрытый царапинами, доплелся до места, где сидела моя мама:

– Как неуклюже я упал, да?

А она мне вместо утешения и сочувствия говорит:

– А почему ты вообще грохнулся?

Едва я немного успокоился и начал думать, что хуже быть не может, как оказалось, что семья мальчика, победившего в этом забеге, сидит прямо рядом с нами, и он как раз, блестя глазами, хвастается перед родными своими трофейными толстенными тетрадками и карандашами в коробочке с надписью «Первый приз». А какой у него был горделивый и самодовольный вид, когда он шел к своей маме, будто у них вся семья – чемпионы и победители.

По контрасту с ними, светящимися от радости и довольства, мне стало казаться, что наша семья состоит из одних слабаков и неудачников, и я разозлился на учредителей за то, что они усадили нас рядом с этими счастливчиками, подозревая, будто они это сделали специально. Как мне тогда стало досадно, не передать словами...

ИГРА В МЯЧ С ОТЦОМ

Во время Дня открытых дверей, когда родители могли присутствовать в школе и наблюдать за нами во время занятий, стоя сзади аудитории за последними партами, в классе всегда находился хоть один ребенок, у кого нет ни отца, ни матери. Например, они могли умереть от болезни, когда он был еще маленьким, и теперь некому прийти посмотреть на то, как он учится. Кто-то из ребят, обнаружив это, обязательно громко сообщал всем, что у такого-то родители не пришли, и тогда класс на миг замирал и затихал, а учитель, чувствуя всю неловкость ситуации, начинал нахваливать того ребенка:

– Смотрите, какой Ёкота-кун умница. Хоть у него нет родителей, но он

сам прекрасно со всем справляется и старается изо всех сил. Настоящий молодец!

Стоило учителю произнести эту фразу, как Ёкота-кун начинал рыдать, а все думали: какой же он и вправду молодчага, что так держится и все у него получается. Я же мечтал о том, что вот бы и в моей семье тоже не было родителей, и досадовал, что мои отец и мать в полном здравии... и о прочих каких-то странных и неуместных глупостях... Думал лишь о том, что если бы у меня не было родителей, учитель меня тоже похвалил бы.

К тому же мой отец занимался не самым престижным делом, всего лишь красил стены и заборы, как я уже говорил, а я страшно завидовал тем, у кого отцы – бизнесмены, полицейские или учителя. Чепуха, конечно. Но такие отцы были для меня настоящими кумирами, а выкрики их деток о том, что, мол, мой папа – полицейский, а мой – следователь, ранили мое сердце. Мне становилось обидно, что я не могу с такой же радостью и энтузиазмом говорить о профессии своего отца.

Особенно доставало, когда, катаясь на велосипеде по воскресеньям или вы-

ходным дням, я видел своих приятелей, игравших с отцами в мяч или бейсбол. Причем их отцы разительно отличались от моего, ведь я-то родился, когда папе стукнуло уже пятьдесят с хвостиком, а у моих приятелей родителям было всего лишь по тридцать – сорок лет, и они еще могли заниматься спортом со своими детьми. Они даже знали, что такое бейсбол, причем зачастую играли в него гораздо лучше своих отпрысков.

Глядя на это, я с горечью осознавал, что мой отец уже старик. Мне тоже хотелось поиграть с ним, да только вот к моей глубокой досаде он не знал, что такое бейсбол и, следовательно, не умел играть. Он даже бейсбольную перчатку надевал на правую руку, как будто не замечал разницу между этими перчатками: для работы и бейсбола. И еще спрашивал меня:

– А куда ты дел свою правую перчатку?

А когда я отвечал, что не понимаю, о чем речь[1], он обзывал меня дурнем и начинал кричать и сердиться.

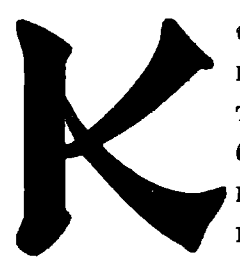
---

[1] В бейсболе мяч кидают правой рукой, а ловят левой, на которую надевают перчатку.

Во время игры он и ловил и бросал мяч одной правой рукой, все никак не мог привыкнуть пользоваться перчаткой на левой. При этом, поймав мяч незащищенной ладонью, всегда морщился от боли. Для меня тогда было огромным разочарованием, что отец не только не умел играть, но даже не смотрел матчей по бейсболу, считая эту игру дурацкой и увлекаясь лишь рестлингом. А мне всегда невероятно хотелось сыграть в мяч с отцом, когда тот был еще молодым.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ НАБОР В БУМАЖНОМ ПАКЕТЕ

огда мой отец возвращался домой пьяным, в темноте его можно было издалека распознать по тому, как он громко кричал «кааа!»: «О, мои слезы, кааа!» Он к каждой строчке песни, которую орал во все горло, зачем-то добавлял этот загадочный слог. Соседи только вздыхали, приговаривая: «Кику опять напился. Ну что же с ним поделаешь».

Когда отец возвращался домой, мама налетала на него с упреками:

– Что горланишь-то, старый! Снова выпил, что ли?

А он не оставался в долгу:

– Да что ты пристаешь ко мне, ты, дура!

И бил маму. Потом она плакала, звала нас с братом:

– Детки, детки, ко мне.

И тут начиналось...

Мне совершенно никуда не хотелось идти, тём паче обниматься с мамой, но она хватала меня и, положив руку на голову, уводила в соседнюю комнату. Я вообще никогда не становился на сторону матери, мне было совершенно наплевать на все эти ссоры, но она все равно тащила нас в другую комнату и плакала, прижав обоих к себе. Я в таких ситуациях полностью терялся и, не зная, что делать, просто впадал в ступор.

У отца, наверное, все это уже в печенках сидело, все эти мамины трюки. Чуть что – сразу: «Такэси, Масару, идите ко мне», «Детки мои, детки».

Понятно, что при таком вот воспитании, мы считали отца просто ходячим недоразумением, лишним и ненужным человеком в семье. В ответ он тоже постоянно ворчал на нас, что мы «забыли, благодаря кому еда на столе появляется».

Вот однажды, в конце декабря, моя старшая сестра, которая тогда училась в последних классах школы, предложила устроить дома рождественскую вечеринку, сходила в кондитерскую и купила торт. Когда мы

уже расставляли свечи и советовались, а не поставить ли нам елку, в самый неподходящий момент вернулся пьяный отец. Увидев наши приготовления, он закричал: «Идиоты! Какая может быть рождественская вечеринка в доме маляра?! Что это за пирожное вообще!» – и перевернул столик.

Мы с сестрой заплакали навзрыд, увидев, в какое месиво превратился торт. Мама начала ругать его, а он в ответ заорал, чтобы та замолчала, что вообще все это рождество – полный бред, и снова ушел из дому.

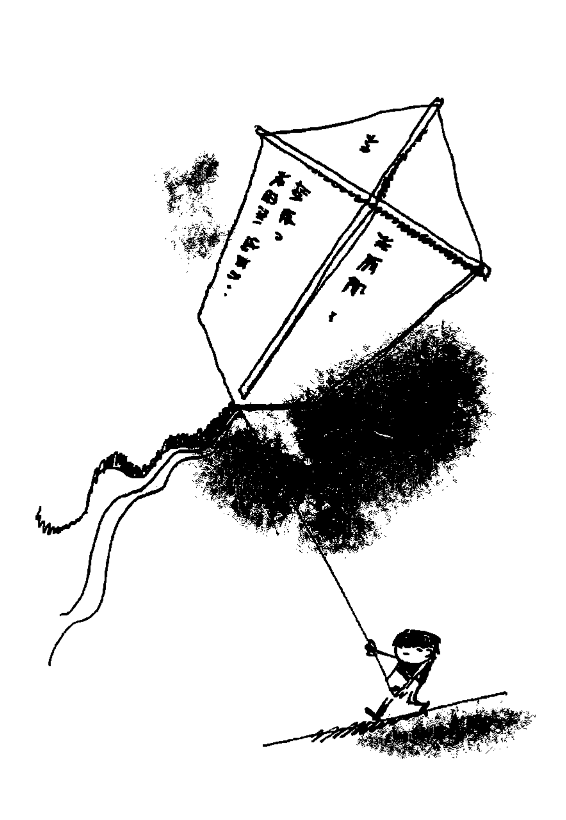
Только после его ухода мы увидели большой бумажный пакет, лежащий на половичке перед прихожей. В нем были бутафорские очки с бородой Деда Мороза и хлопушки.

Я чуть снова не заплакал, глядя на это.

Набор явно купил отец, и сейчас я понимаю, что ему потребовалось все его мужество, чтобы сделать это. Скорее всего, он долго стоял перед лавкой с игрушками, смущаясь и стесняясь; мучался – покупать или нет, под конец решился, но не смог удержаться, чтобы не выпить для храбрости. Потом пошел домой, видимо он

хотел всех обрадовать неожиданным подарком, хотя в душе и считал, что все это глупости. Но, вернувшись и обнаружив, что праздник начался без него, не смог сдержать порыва гнева и почувствовал себя лишним на нашей вечеринке.

НОВОГОДНИЕ ПОДАРКИ И ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ ИЗ ГАЗЕТЫ

У нас дома никогда не было новогоднего, радостного настроения, я вообще не замечал наступления праздника, пока не видел, как соседи играют в традиционную новогоднюю игру – ханэцуки[1].

Новогодних подарков в нашей семье тоже было не густо, потому что родственников у нас практически не водилось. Единственный человек, который мне хоть что-нибудь дарил, – моя мама. Когда я начинал приставать к ней по этому поводу, она шла и пыталась разменять десять тысяч иен,

---

[1] Традиционная новогодняя японская игра, являющаяся аналогом бадминтона, только ракетки сделаны из дерева, а волан представляет собой маленький деревянный шарик с перьями.

которые отец заработал 31-го числа, потому что кроме этой единственной купюры в доме больше никаких денег не имелось. Так вот, зажав в кулаке эти десять тысяч, она принималась обходить соседей, а они были такими же бедными, как наша семья, и потому никто не мог их разменять. Мама долго ходила по району, стучась в двери домов, а потом просто кричала на всю улицу: «Кто тут может разменять десять тысяч иен?»

В какой же дыре мы жили тогда! Понятно, почему я так всегда зациклен на деньгах – при таком детстве это неудивительно.

Раньше на Новый год было принято запускать воздушных змеев, таких больших, бумажных, в японском стиле, с традиционным изображением средневекового прислужника, который назывался «якко». Мне приходилось играть с прошлогодним змеем, но вы только представьте, во что он превращался за целый год в кладовке! Поэтому мама пыталась обновить его, подклеивая газетами. Обычно змеи у всех ребят были яркие, с красочными рисунками – и только у меня нижняя часть вся из газет «Ёмиури» или там «Асахи».

Потом мне все-таки купили нового змея, но он оказался несбалансированным, и пришлось утяжелять его хвост длинными полосами опять-таки из тех же самых газет. Впрочем, несмотря на это, в целом он выглядел довольно круто. И все равно – стоило ветру хоть чуть-чуть ослабеть, змей тут же терял высоту, и никакие усилия, вплоть до спринтерского бега по берегу реки, не могли заставить его подняться обратно. Самое ужасное было, когда он падал в отстойники, и приходилось доставать его оттуда, покрытого какашками.

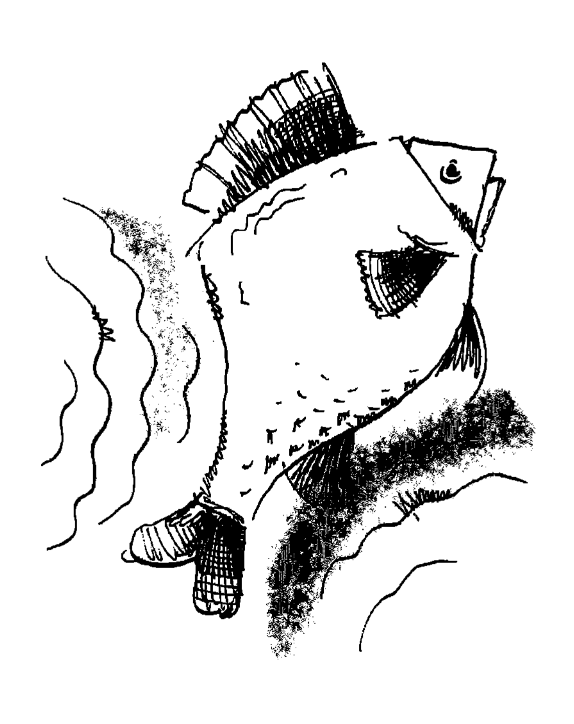
Был еще и другой способ уравновесить змея – на нитку, на которой он держался, у самого основания надо было прикрепить нарезанную бумагу. Это называлось «телеграмма», только я всегда перебарщивал с количеством лент, и змей получался слишком тяжелым. Но все-таки он здорово смотрелся, потому что у изображенного на нем «якко» глаза были залиты воском и поблескивали на солнце.

В те времена я был маленького роста, и иногда случалось, что змей почти утягивал меня за собой, тогда приходилось с силой упираться ногами в землю. Играть таким образом я мог

вплоть до сумерек, причем увлекался настолько, что оставался на улице аж до того времени, когда маленького змея высоко в небе уже почти не разглядеть.

Очень много времени уходило и на то, чтобы опустить змея вниз и, аккуратно, постепенно подтягивая его к себе, намотать нитки на длинную палку. Если для этой цели использовать обрезок бамбука, то вся связка по форме становилась похожей на батат. Зато здорово было в ветреную погоду следить за тем, как легко и быстро разматывается этот клубок! Правда, часто случалось, что нитки рвались, и змей улетал в неизвестном направлении.

ЛОВЛЯ КАРАСЕЙ

ой отец раньше был мастером по лакам. Причем он занимался лакировкой не всяких там плошек и подносов, а рам для внутренних перегородок в традиционных японских домах или временных синтоистских храмах, которые проносили по городу во время праздников. Лаки требуют очень бережного отношения, ведь их нужно аккуратно наносить слой за слоем, высушивать и потом покрывать изделие заново. Поэтому я удивился, узнав, что мой отец, как ни странно, считался весьма хорошим мастером.

Только вот с определенного времени спрос на лаки стал падать, и отец остался без работы. Делать

было нечего, пришлось ему переквалифицироваться. Вот тогда-то он и выбрал профессию маляра, которая сродни его прежним занятиям, ведь там тоже нужно красить, просто материал другой.

В те времена была очень популярна рыбалка – ловля карасей, поэтому отец увлекался изготовлением поплавков лично для себя. Он же когда-то мастерил луки для стрельбы, так что бамбука у нас имелось предостаточно. Отец его расщеплял, резал, а потом покрывал толстым слоем краски. Как только у него выдавалась свободная минутка – он сразу садился делать свои поплавки. Вот только на рыбалку он так толком и не сходил, поэтому было совершенно непонятно, зачем ему столько этих поделок.

Только раз он попытался непосредственно заняться ловлей. Они тогда со старшиной гильдии плотников отправились в местечко под названием Мидзумото в районе Камэари в центре Токио, да и то отец умудрился свалиться в пруд, так что порыбачить у него так и не получилось.

История – обхохочешься. Мне рассказывали, что они стояли на краю

пруда, причем только-только закончился сезон муссона, и весь берег зарос травой, мокрой и скользкой после дождя. Нет чтобы спокойно рыбачить на бетонной пристани, отцу приспичило спуститься вниз к воде – вот он и полетел прямо в пруд, съезжая на заднице по склону, как по водной горке. Плюхнулся в воду, уцепился за торчащий из воды столбик и давай орать: «Спасите, помогите! Я попал в беду!»

Вот такой странный у меня был отец, чего он только не вытворял. Так вот, держится он за столбик, а старшина гильдии протягивает ему удочку, мол, хватайся, я тебя вытащу. А кончик-то у удочки – гибкий и хлипкий, только отец за него схватился, как тот и сломался. Потом он, нескладеха и неудачник, запутался в леске. В конце концов его вытащили на берег при помощи сетки для карпов, прямо как рыбу.

И все-таки было очень приятно смотреть, как отец упорно возится со своими поплавками, я радовался, что у него есть другие развлечения, кроме пьянства.

Мне кажется, что он пил попросту от скуки. Или оттого, что у него

было много неприятностей. Ведь если человек так сильно пьет, он же не по собственному желанию это делает, значит, у него что-то в жизни не ладится, так ведь?

Поэтому я очень радовался, что у отца есть хоть какое-нибудь хобби.

ВЕЩИ, ОСТАВШИЕСЯ НА ПАМЯТЬ ОБ ОТЦЕ

Мой отец до самой своей смерти был совершенно никчемным человеком. Он был настолько малодушным, что даже путешествовать толком не мог. Когда дело доходило до поездки куда-нибудь с его товарищами по гильдии, то он со страху напивался уже с самого утра и потом, на протяжении всего дня, не выпускал из рук бутылку. Совершенно непонятно, где он их покупал, но вот только за день он умудрялся осушить как минимум две-три штуки.

Посудите сами, как глупо он себя вел, – обычно все мастера собирались у дома старшины гильдии в восемь утра, а папаша мой уже часов с шести торчал там, потому что страшно боял-

ся опоздать. Это он боялся опоздать туда, куда от нашего дома идти от силы минут десять! Можно было выходить уже даже после того, как приехал автобус, – и то успеть, а он приходил на место в шесть утра и начинал пить.

Вот такой он был человек, ничему не доверял, даже времени. К поезду он непременно приходил за два часа до отхода, иначе начинал страшно нервничать. Так, например, для поездки на курорт Атами[1] на поезде, который по расписанию отправлялся в восемь часов, мы торчали на токийском вокзале уже с шести. Паника начиналась за три часа: «мы не успеваем», «давайте пошевеливайтесь, а то поезд без нас уйдет», а если мы его не слушались, начинал беситься. Объяснить ему, что поезд ходит четко по расписанию и потому никаких поводов для беспокойства нет, было невозможно. «Идиоты! Вы ничего не понимаете! Если путь будет свободен, то, разумеется, он уйдет раньше!»

Как он мог так рассуждать...

Или вот еще такой случай. У одного известного рестлера Гиганта

[1] Популярный курорт в ста километрах от Токио.

Баба намечалось выступление в близлежащем спортивном зале в шесть вечера, а мой отец стоял перед закрытыми дверями, зажав билет в кулаке аж с десяти утра. На протяжении всего представления у него было странное выражение лица — еще бы, он же с самого утра пьянствовал. А как стыдно мне сделалось, когда он начал махать кулаками на Дистроера, который в тот вечер был соперником Гиганта.

Кроме всего прочего, мой отец сторонился, избегал, в общем, чуть ли не боялся незнакомых людей, поэтому очень часто извинялся перед окружающими — так, на всякий случай. А с домашними, наоборот, вел себя очень развязно и грубо, как будто компенсируя свою застенчивость перед посторонними, что приносило нам немало горя.

Но вот когда отец умер, выяснилось, что из вещей на память от него нам почти ничего не осталось. Разве что пара очень дорогих сандалий отменного качества для холодной погоды. Мы нашли их в самом верху шкафа, бережно завернутых в газетку, причем по потертости подошв и паре песчинок, прилипшей к ним,

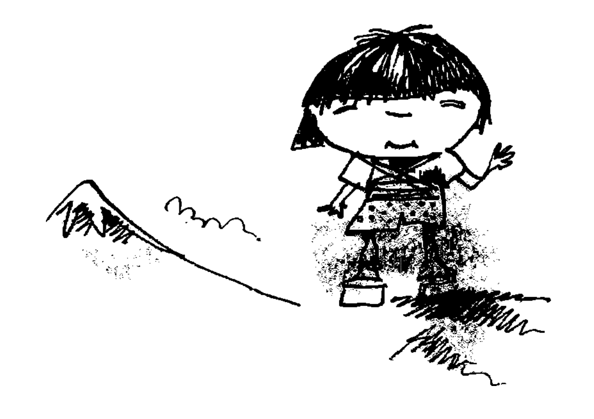
было видно, что отец надевал их от силы раз или два.

Позже мы обнаружили еще аляповатое золотое кольцо восемнадцатой пробы, на нем было выгравировано его имя, затем – пояс из крокодиловой кожи, который он всегда на моей памяти надевал под традиционную японскую куртку на собрания гильдии.

Кроме того, мы откопали в ящиках пару листов бумаги, на которых отец тренировался в написании своего имени, хотя он так и умер безграмотным. Я же, глядя на эти листы, чуть не расплакался, поняв, насколько отец переживал и стеснялся того, что не умел писать.

Наверное, именно из-за этого своего комплекса он и кричал на мать, когда она силком гнала нас в школу, что, мол: «Дура, зачем сыновьям ремесленника нужна школа! Главное, чтоб они умели кисть в руках держать, мозги тут вообще ни при чем!» Или: «Зачем им уметь писать, это же совершенно не нужно для дела». А сам втайне мечтал научиться...

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО: ДЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА

не кажется, что когда мы, то есть мое поколение, были детьми, мы в конкретный момент времени увлекались только одним, самым любимым видом игры или спорта. Наверное, потому что у нас было не так много вещей или спортивного снаряжения. Если мальчишке нравился бейсбол, то он только в бейсбол и играл, и поэтому в его памяти этот вид спорта откладывался как единственная, несравнимая с прочими вещами отрада.

Попробуйте поспрашивать людей моего возраста об играх, в которые они играли в детстве, и окажется, что их очень мало, вон даже волчков у нас имелось максимум по десять штук.

Потому мы и помним все правила и сам ход игры в таких подробностях – из-за того, что их количество было весьма ограничено, а мы, в свою очередь, посвящали им все свое свободное время.

У современных детей есть все, чего бы они ни пожелали, и поэтому, как мне кажется, им гораздо труднее выбрать из всего этого многообразия то, что им ближе и интереснее, вместо того, чтобы слепо следовать вкусам толпы или веяниям моды.

Единственное, в чем я уверен, так это то, что мировоззрение детей осталось неизменным.

Вот только оно непосредственно взаимосвязано с ячейкой общества, к которой принадлежит ребенок. То есть существуют два восприятия мира – у бедняков и у богатых, – они формируются именно в детском возрасте и существенно отличаются друг от друга. Даже если ребенок, выросший в нищете, разбогатеет в будущем, его мировоззрение останется неизменным, ведь оно было заложено в первые годы жизни, и тут уж ничего изменить нельзя.

Мне, выросшему в небогатой семье, остается только удивляться самомнению и надменности, присущей бога-

тым. Они же с самого детства бедняков даже за людей не считают, а их солидные родители все время повторяют, что мол, «ты ребенок из приличной, состоятельной семьи, так что веди себя соответствующе». Они другие, чуждые нам создания, и от осознания этого факта мне всегда немного страшно.

Их эгоизм стоит отметить отдельно. Они могут спокойно играть со всеми, а потом внезапно заявить, что хотят домой, и преспокойно уйти посреди общей забавы, совершенно не считаясь с окружающими; им совершенно не присуще чувство солидарности или дружеской поддержки; они могут прекратить иметь с тобой дело, если им это перестало быть удобно или просто пропало желание продолжать общаться.

Мы же, дети из бедных семей, всегда держались и играли вместе, и вместе же получали нагоняи от наших мам за то, что хулиганили или задерживались допоздна.

Мне кажется, что очень важно сохранить в себе это детское восприятие мира, и какими бы взрослыми, какими бы богатыми мы ни стали, мы должны жить честно, в гармонии со своим внутренним и неизменно искренним ребенком.

ОБ АВТОРЕ

Такеши Китано, знаменитый японский актер и режиссер, родился в Токио в 1947 г. Его любимый отец, маляр и изготовитель лаковых фигурок, был азартным игроком, от чего страдала вся семья. Мать Китано происходила из семьи военного. Ее мечта о карьере сына в качестве государственного служащего привела Китано в токийский университет Мейджи. Уйдя из университета, так и не получив степень, Китано подряжался на любую случайную работу. Работая кассиром в стриптиз-клубе, он однажды разыграл комедийную сценку с переодеванием в женскую одежду. В соседнем кабаре он научился танцевать. Такой опыт в конце концов сформировал у молодого человека устойчивые комедийные навыки.

В 1971 г. Китано вместе со своим другом Киеши Канеко создал комический дуэт «Два Бита» (Two Beats); много позже, когда о былом сотрудничестве останутся только воспоминания, он возьмет псевдоним Бит Такеши в память о первых шагах в шоу-бизнесе. Поначалу они выступали в

стрип-клубах, развлекая публику в перерывах между стриптизом. Только через два года последовало предложение телепродюсера, и уже в 1976 г. Китано и Канеко получили приз японской телекомпании как лучший комический дуэт.

В 1983 г. на экраны выходит картина Нагисы Осимы «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс» с участием Китано. Фильм, сочетающий в себе признаки психологической драмы и философской притчи, подчеркивал, что в разных культурах понятия гуманизма и жестокости не тождественны. Картина была восторженно встречена в Европе. Китано зарекомендовал себя как актер, способный на мгновенное перевоплощение, с большим диапазоном эмоций и чувств.

Первая режиссерская работа Китано – фильм «Жестокий полицейский» (1989).

Несмотря на очевидное новаторство Китано-режиссера, фильм был встречен прохладно. Образ жестокого полицейского никак не вязался с тем комиком, который веселил всю Японию по выходным. Для Китано пришло время делать окончательный выбор между телевидением и кино.

В 1990 г. на экраны выходит «Точка кипения» – запутанная история о токийских подростках, нечаянно вставших на пути якудза. Герой Китано появляется лишь во второй половине фильма и погибает за десять минут до конца, но оставляет едва ли не самое сильное впечатление от картины.

Далее режиссер пробует себя в жанровых лентах – «Сцены у моря» и «Кого-нибудь снял?». Обращение как к мелодраматическому, так и к комедийному сюжетам не привнесло новизны в творческий путь Такеши Китано и не имело значительного успеха.

Между съемками этих лент появляется «Сонатина», после которой Китано входит в пантеон классиков японского кинематографа. Герой фильма – гангстер Муракава (его сыграл Китано) из токийской якудза. Когда на Окинаве начинается жестокая война между бандитскими кланами, «бригаду» Муракавы посылают для урегулирования конфликта. Китано умело моделирует ситуацию, вводя в повествование элементы комедии, триллера, мелодрамы.

В 1994 г. Китано попадает в аварию, на всю жизнь «отпечатавшуюся»

на лице режиссера. По его словам, он понял, что должен измениться. В 1996 г. он снимает «Ребята возвращаются» – историю друзей, идущих по жизни разными путями, но сохранивших отношения даже тогда, когда судьба сталкивает их лоб в лоб. При обычном антураже – драки, убийство, мужская дружба – меняется киноязык, которым режиссер рассказывает свою историю. «Ребята возвращаются» имел мощный кассовый успех и был хорошо принят западной кинообщественностью.

В 1997 г. на экраны выходит один из лучших японских фильмов десятилетия – «Фейерверк». Этот фильм часто сравнивают с «Сонатиной»; но при определенной смысловой схожести «Фейерверк» выигрывает за счет возросшего режиссерского мастерства Китано.

После оглушительного успеха «Фейерверка» Китано заявил, что должен создать что-то другое. Он придумал интересную историю о плохом парне, который случайно совершает хорошие поступки. Так в 1999 г. в Каннах состоялась премьера «Кикуджиро», признанного на родине последним шедевром XX века.

После этого Китано снимается в нескольких культовых японских фильмах – «Табу», «Королевская битва» и др.

Последующие фильмы, сделанные им в качестве режиссера, – «Куклы», «Затойчи» и др., – также принесли Китано широкий успех как в Японии, так и за ее пределами.

Такеши Китано и сейчас продолжает оставаться ведущей фигурой на телевидении Японии. Он до сих пор участвует в восьми ТВ-программах в неделю. Весьма многогранен и писательский талант Китано – он пишет стихи, повести, которые экранизируют другие режиссеры. Также он прекрасный художник и мультипликатор, живописные работы Китано можно видеть в сценах «Фейерверка» и «Кикуджиро». Когда его спрашивают, как же он справляется со всем этим, Китано отвечает: «У меня нет впечатления, что я работаю. Я просто стараюсь получать удовольствие».

СОДЕРЖАНИЕ

Вечный мальчишка 5

Я помогаю отцу 15
Как мы с братом учились 20
Медосмотр и девчачья кружка 26
Первая поездка на море
и встреча с богом 31
Игрушечная ракета
с парашютом 37
Жулик-каратист из Окинавы 43
Сгоревший электрический
паровозик 48
Общественная баня 54
Кукольный театр и леденцы 59
Работа маляра 65
Летние каникулы 70
Мои приятели по игре в волчок 75
Лыжи из лука 80
Пластиковый футлярчик
для проездного 85
Бейсбольная перчатка 90
Я встречаю отца из кабака 95
Стрекозы и купание в речке 100
Мой приятель
из очень бедной семьи 106
Тайфун и раки 111

Неудавшийся спортивный
праздник 117
Игра в мяч с отцом 123
Рождественский набор
в бумажном пакете 128
Новогодние подарки
и воздушный змей из газеты 133
Ловля карасей 138
Вещи, оставшиеся на память
об отце 143
Заключительное слово:
детское восприятие мира 148

Об авторе 152

Такеши КИТАНО

ДАВАЙ, ТАКЕШИ!

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*
Ведущий редактор *С. Н. Абовская*
Корректор *В. В. Саранчёва*
Дизайн обложки *А. Ф. Щавелев*
Верстка *А. Б. Ирашин*

Подписано в печать 26.05.2009
Формат 84×90 $^{1}/_{32}$ Гарнитура «MyslC»
Печать офсетная. Бумага газетная
Усл.-печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 3,0
Тираж 2500 экз. Изд. № ОП-09-0215-ВС
Заказ № 3645

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
105062, Москва, ул. Макаренко 3, стр. 1
http://www.olmamedia.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Такеши Китано — культовый актер и кинорежиссер, самая знаменитая фигура в японском кинематографе последних десятилетий. Его уникальные работы получили широкое признание как в Японии, так и за границей. Он — обладатель Золотого и Серебряного Льва Венецианского кинофестиваля за фильмы «Фейерверк» и «Затойчи». Китано наделен непревзойденным комическим даром, он был и до сих пор остается одной из самых ярких фигур на японском телевидении благодаря своему острому глазу и бескомпромиссному чувству юмора. Кроме того, он — поэт, художник, кинокритик и писатель.

Япония 50-х годов глазами простодушного и гениального ребенка, каким был и навсегда остался Такеши Китано... Мрачная нищета родного дома и яркие краски детства, изнурительная работа вместе с отцом-маляром и необыкновенные игрушки и развлечения, жесткий диктат школьных учителей и хулиганская компания сверстников - перед вами мир контрастов, сформировавший скандальную личность знаменитого актера и режиссера.

www.olmamedia.ru